CRIME & PRIVATE

АННА ДАНИЛОВА

ДОМ НА БЕРЕГУ НОЧИ

Много лет они хранили в душе страшную тайну...

Crime & private

Анна Данилова

Дом на берегу ночи

«Автор»
2014

Данилова А.

Дом на берегу ночи / А. Данилова — «Автор», 2014 — (Crime & private)

Человек, которого заворачивали в белое шелковое покрывало, был явно мертв. Сверток выглядел как окровавленный кокон. Кого убили? Никита выбежал в сад, спрятался за кустами сирени, чтобы досмотреть до конца страшное и одновременно завораживающее действо: Федор, его друг, вытаскивает из дома труп неизвестного. Никита проследил за ним до самой реки, до обрывистого берега, откуда вниз, на песок, Федор и сбросил свою жуткую ношу. Федор – убийца! В это невозможно было поверить. И все же за какие-то минуты друг превратился в оборотня, между ними выросла невидимая стена, отделившая прошлое обоих от будущего… С тех пор прошло пять лет, и однажды Никите пришлось вспомнить все подробности того холодного утра…

© Данилова А., 2014
© Автор, 2014

Содержание

1. Никита. 2009 г 6
2. Маша. 2014 г 10
3. Оля. 2009 г 16
4. Зоя. 2009 г 20
5. Маша. 2014 г 26
6. Ольга, 2014 г 32
Конец ознакомительного фрагмента. 39

Анна Данилова
Дом на берегу ночи

© Дубчак А.В., 2014
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

1. Никита. 2009 г

Тот, кто придумал этот мир, придумал и цвет крови. Кровь яркая, красная, один ее вид – как сигнал опасности, что смерть где-то близко, что надо что-то предпринимать. В случае, если живое существо, теряющее кровь, еще дышит, надо его спасать, если же мертво – искать виновного в его смерти.

Человек, которого заворачивали в белое шелковое покрывало, был явно мертв, и кровь прямо на глазах пропитывала слои шелка, делая этот сверток с мертвецом внутри похожим на окровавленный кокон.

Кого убили? Кого зарезали? Именно зарезали, потому что крови слишком много, да и выстрела не было слышно.

Весь дом еще спал, в каждой комнате по человеку, в хозяйской спальне крепко спала, обнявшись, сложившаяся случайно с вечера, не без помощи алкоголя, парочка. Июньский утренний воздух, пробравшись в комнату сквозь занавески, медленно остужал их обнаженные красивые тела.

Никита с бьющимся сердцем выбежал в сад, спрятался за кустами сирени, чтобы досмотреть до конца это страшное и одновременно завораживающее действо: молодой парень, прежде считавшийся его другом, выволакивает из дома труп.

Проснувшись раньше всех (но не раньше убийцы), Никита обошел весь дом, пытаясь найти кого-то, с кем бы он мог разделить это тяжелое похмельное утро, но все спали. Или не все?

Никита принялся загибать пальцы, вспоминая всех тех, с кем он так весело провел вечер и половину ночи.

Саша, Егор, Вадим, Галя, Таня, Андрей с Алисой, сам Никита и Федор. Всего девять человек. Если не считать проснувшихся Никиту и Федора, остальные семеро спали. Андрей с Алисой в спальне, остальные пять человек разбрелись по дому и заснули, кто где. И все – живы. Все, с кем они сидели за столом на террасе дачи, ели шашлык и пили – живы, живы… Он сам обошел дом и проверил! Все дышат!

Не было ни конфликтов, ни разборок, ни тяжелых разговоров, ничего такого, что могло бы закончиться убийством!

Но тогда кто тот человек, окровавленное тело которого Федор заворачивал в покрывало? Он не из их компании. Откуда же он взялся? Когда?

Все много выпили, но и закуска была отменная – шашлыка было столько, что хватило бы на три такие компании! Ароматное, мягкое, хорошо прожаренное на углях мясо, помидоры, лук! Да под такую закуску никто и не должен был так опьянеть…

Никита проснулся и обнаружил себя в маленькой комнате, которую Андрей Арнаутов, родителям которого и принадлежала дача, называл комнатой для прислуги. Удобная кровать, шкаф, два стула и туалетный столик. Окно выходит в сад. За прозрачными занавесками покачиваются ветки вишневых деревьев с мелкими незрелыми зелеными плодами-бусинами.

Через стенку – ванная комната, где Никита умылся холодной водой, чтобы прийти немного в себя. Хотелось пить.

Он заглянул в кухню, залитую утренним солнцем, на большом столе были разложены овощи, грязная посуда, но, несмотря на беспорядок, все равно все выглядело как-то весело, ярко и даже красиво – от солнца, от зелени…

Никита представил себе, как он сейчас примется готовить завтрак, как найдет в холодильнике все необходимое, как приготовит тесто и начнет печь блины. Все проснутся от запаха, соберутся на кухне, все такие родные, правда, с помятыми лицами и припухшими глазами, и улыбнутся ему, Никите, а Андрей скажет:

– Ну, ты, брат, молоток! Красава!!!

Но ни молока, ни яиц обнаружить не удалось, и тогда Никита стал искать Андрея, чтобы спросить, где здесь в деревне магазин или у кого можно купить продукты. Вот так он и оказался перед дверью, ведущей на террасу. Он не успел коснуться ручки, его взгляд скользнул по застекленной стене террасы, занавешенной тюлевой занавеской, и заметил красные пятна… Приблизился и увидел то, что явно не предназначалось для его глаз: Федор упаковывал чей-то труп в покрывало…

Он проследил за ним до самой реки, до обрывистого берега, откуда на песок, на площадку, расположенную высоко над уровнем воды, он и сбросил свою страшную ношу.

Никита, прячась за елями, видел лицо своего друга Федора – оно было белым, словно тоже мертвым. Неси он другую ношу, Никита бы, не раздумывая, бросился другу на помощь. Но за какие-то минуты Федор успел стать другим человеком, оборотнем, и между ними выросла невидимая стена, отделившая прошлое обоих от будущего.

Федор – убийца.

Еще вчера Федор был закадычным школьным товарищем, другом, с ним вместе столько пережито, и что теперь? Броситься к нему на помощь, предложить сбегать за лопатой, чтобы закопать труп? Расспросить его, кто этот человек и за что он его убил?

А может, все это лишь сон?

Никита ущипнул себя за руку. Нет, вон и Федор возвращается с лопатой. И этот стук металла о землю, присыпанную песком, – реальность.

Надо было возвращаться в дом, ко всем тем, кто безмятежно спал и ничего не знал. Какое же это счастье – ничего не знать.

Тогда и он будет себя вести так, словно он ничего не знает. Будет таким же, как и все. Вот единственно правильное решение.

Надо вернуться в дом, лечь, как будто он и не вставал, и дождаться остальных.

Никита вернулся в комнату для прислуги, зарылся с головой под одеяло, но сна, понятное дело, не было. Голова болела, он пытался вспомнить события прошедшей ночи. Вино, виски, потом водка… Помнится, они танцевали, бултыхались в маленьком пластиковом бассейне, который мама Андрея, Нина Александровна, покупала для себя, любимой, и уж никак не представляла, что туда заберется одновременно столько народу! Но было весело, все были мокрые, хохотали, шутили…

Когда же в их веселье пробрался чужак? Тот, кто вынудил Федора убить его?!

Федор и убийство – это невозможно! Спокойный, рассудительный «ботаник», юморист, отличный парень, верный друг. Конечно, если нужно, он сможет постоять за себя, может и морду набить, Никита сам видел, как он разбирался с двумя парнями за школой, это было

два года тому назад. Словом, пацан что надо! В школе, среди старшеклассников, его уважали, знали, что если какой конфликт, то за справедливостью нужно идти к Федору Морозову.

Учителя обращались к нему, когда надо было организовать класс, как-то повлиять на ребят, добиться правильной реакции на события.

Предки Федора – правильные, семья – как крепость. И вдруг это убийство!

Да и пил Федор не так уж и много, хотя был весел, много шутил, рассказывал анекдоты так, что все вокруг просто покатывались. Алиса еще сказала, что от такого смеха можно сломать челюсть!

Андрей, Алиса, Таня, Галя и Егор – все студенты университета в городе Калина, все местные, как и Саша, Вадим, Никита и Федор.

Компания сложилась еще в прошлом году, Андрей, как и в этот раз, пригласил всех к себе на дачу. Может, конечно, для семьи Арнаутовых это и считалось дачей, однако это был настоящий добротный дом на окраине города, в районе Абрамово. Девчонок отпускали из дома спокойно, знали, что у Арнаутовых они будут в безопасности. Отпускали с ночевкой, иногда даже на два дня!

Алиса сначала была с Федором, они два года встречались, потом, поговаривали, у нее появился солидный любовник, какой-то чиновник из администрации города, и вдруг она появилась в Абрамово одна, красивая, сияющая, в прозрачном открытом платье, вот, мол, я снова с вами! Пила в меру, зато много танцевала, ею любовались и парни, и девчонки, уж слишком была хороша. И никто не удивился, что спать она пошла с Андреем, хозяином дома.

Если бы Федор (не дай бог, конечно) пырнул ножом Андрея, даже это еще можно было бы как-то объяснить – ревность. Но Андрей, к счастью, жив-здоров!

Так кто же был там, в этом красно-белом жутком коконе? Кто?

Никита ворочался в постели еще какое-то время, потом не выдержал, снова прилепился к окну террасы, посмотреть, где Федор, вернулся ли. И увидел, как тот, стоя на коленях рядом с кроватью, замывает плиточные полы от крови. От крови. Потому что вода в белом пластиковом ведре стала розовой.

Он тер тряпкой энергично, почти истерично, то и дело оглядываясь, боясь, что его могут увидеть. И когда он, последний раз протерев фрагмент пола, бросился к входной двери чтобы выплеснуть воду в траву возле крыльца, Никита испытал отчего-то сильнейшее волнение, ведь это был Федор, его лучший друг Федор, и этот труп мог быть результатом несчастного случая! Федор влип в какую-то историю, ему наверняка нужна помощь, а он, Никита, вместо того, чтобы как-то помочь ему, хотя бы сказать, что он в курсе, и что если требуется алиби или еще что, то он готов сделать для друга все, уже успел увидеть в нем убийцу и даже запрезирать.

Он видел, как Федор моет ведро, полощет тряпку под мощной струей воды в мраморной чаше прямо под окнами террасы.

Когда же он проснулся? Кто его разбудил, что он проснулся так рано, успел вляпаться по самое горло в криминальную историю, избавиться от трупа и даже закопать его в песке, под обрывом, а потом еще вернуться в дом и вымыть полы?!

Сколько же сил душевных и физических он потратил, а ведь еще только шесть часов утра!!!

Внезапно он услышал голоса. Воображение нарисовало полицейских, заламывающих руки Федору и заталкивающих его в машину…

Однако, выглянув на улицу, вернее, вывалившись на крыльцо с видом человека, который только что поднялся с постели, да еще и с похмелья, он увидел за калиткой женщину, протягивающую Федору банку с молоком.

– Федор, а яйца у нее есть? – окликнул друга Никита. – Может, продает?

Федор спросил у женщины, и та в ответ открыла корзинку и достала пакет с яйцами. Никита видел, как Федор расплатился с ней, поблагодарил. Потом медленно повернул голову в его сторону.

– Встал? – спросил он, и Никита заметил, как плохо выглядит Федор – почерневшие круги под глазами, опущенные уголки губ. Трудно было представить, что Федор, рассказывающий накануне вечером анекдоты, сыплющий шутками, весельчак, душа общества, и этот парень с серым безжизненным лицом, прижимающий к груди банку с молоком, – один и тот же человек.

– Да вот… Проснулся… Все еще спят. Это здорово, что есть молоко и яйца. Ты умеешь печь блины?

– Не знаю…

– Да уж, видок у тебя тот еще! – Никита пытался вести себя так, как обычно в такой ситуации. – Желудок?

– Да, вывернуло всего… наизнанку…

– Ну, ничего! Сейчас заварю чаю, целый чайник! Как ты думаешь, положить туда смородинового листа, так моя мать делает?

– Положи, – пожал плечами Федор, поднялся на крыльцо, отнес продукты на кухню. – Слушай, Никита, что-то мне херово… Я поеду домой… Ты как, со мной?

– Не, я буду блины печь, – смалодушничал Никита, решив, что для собственной безопасности лучше находиться подальше от Федора. – А ты поезжай… Вон, весь зеленый!

Федор быстро собрался, подошел к Никите, пожал ему руку:

– Ладно, брат, я поехал!

– Выздоравливай!

Никита стоял на крыльце и смотрел, как Федор идет по дороге в сторону железнодорожной насыпи. И хотя было раннее утро, по дорожке, проложенной через небольшой низкорослый лесок, уже тянулись к остановке дачники и жители окраины Абрамово.

Никита дождался, когда Федор скроется в лесу, бросился на террасу, туда, где еще влажно блестели плитки пола, и зачем-то перекрестился. Глубоко вздохнул, как бы перелистывая страницу утра, вернулся на кухню и принялся замешивать тесто для блинов.

2. Маша. 2014 г

В тот день Маша знала, что такое абсолютное счастье. Она сама себя ощущала, как человек, которому посчастливилось найти клад, настоящий, с золотыми слитками и бриллиантами, и все эти сокровища можно было потрогать руками, полюбоваться блеском драгоценностей, зная, что на этот раз это не один из детских снов, а реальность. И дело было, конечно, не в богатстве, а в завораживающем чувстве обладания. Она безраздельно владела не кладом, конечно, не золотыми слитками, а настоящим мужчиной. Она знала, чувствовала, что он принадлежит только ей, и никогда, с тех самых пор, как они познакомились, она не сомневалась в этом. Федор – самый надежный мужчина на всем белом свете. Красивый, очень умный, добрейшая душа, лапочка, сама нежность! Она любила Федора так, что думала о нем постоянно. Что бы ни делала, где бы ни была, перед глазами стоял он, высокий брюнет с темными глазами и кроткой улыбкой.

И с ним можно было делать все, что захочется: целовать, играть с его блестящими густыми волосами, пощипывать его щеки, покусывать его плечи, сидеть у него на коленях, кормить его с ложки, тереть ему спину намыленной мочалкой, раздевать и одевать его… Они принадлежали друг другу, им было хорошо друг с другом, они приняли решение жить вместе, и ни одна сила в мире не могла бы разрушить их планы и мечты.

– Вы очень красивая в этом платье! – воскликнула, как показалось Маше, вполне искренне продавщица свадебного салона. – Как же преображают эти свадебные наряды женщин…

Худенькая некрасивая девушка крутилась вокруг Маши, поправляя складки воздушного белого платья, и Маша представила себе, как та после закрытия магазина, оставшись одна, наедине со своим одиночеством и, быть может, отчаянием, меряет все платья подряд, кружась перед зеркалом и мечтая о замужестве, о собственной свадьбе. Хотя, кто знает, может у этой девушки есть семья, дети…

– Да, пожалуй, на этом платье и остановлюсь, – сказала Маша. В отличие от своих подруг, в свое время так же готовившихся к свадьбе, она занималась поиском свадебного платья одна, хотела выбрать то, что нравится только ей. Имея самое смутное представление о том, как сложится ее дальнейшая жизнь, и большое ли место муж займет в ней, как будет влиять на нее, она решила хотя бы в выборе платья оставаться свободной, самостоятельной и не зависимой ни от чьего мнения. Даже мамы, не говоря уже о подругах. – Это платье, вы не поверите, уже тринадцатое, что я перемерила! И я его беру! Упакуйте, пожалуйста!

Выйдя из салона с большой коробкой в руках, Маша решила перевести дух, села за столик в летнем кафе, заказала сок. Город уже проснулся, открывались магазины, мальчик с щеткой и ведром мыл витрины, из кондитерской долетал аромат свежевыпеченных бисквитов, в кафе пахло молотым кофе, в подворотне, в темной арке, сидела на ящике из-под бананов смуглая нищенка в теплой вязаной кофте, ела булочку и запивала кофе из пластикового стаканчика, которыми ее угостил кто-то из сердобольных продавщиц близлежащего продуктового магазина.

Это удивительно, думала Маша, что салон открывается так рано, в восемь часов. Платье-то она выбрала еще вчера, продавщица сказала ей, что надо бы его поскорее выкупить, потому что еще две невесты положили на него глаз…

Мысли были ленивыми и одновременно какими-то тревожными. Платье куплено, кольца – тоже. В квартире, которую купил Федор, уже сделан ремонт, осталось только привезти

мебель. Жизнь стремительно несется вперед, не оставляя возможности уже что-то изменить или хотя бы приостановить. Брак – дело решенное, и приготовления к свадьбе практически закончены: заказан ресторан, разосланы открытки, сделаны необходимые покупки.

У Маши была своя маленькая квартирка, в которой она жила одна и первое время очень дорожила своей свободой. Сейчас же ей предстоит переехать в новое жилье, варить кофе в новой кухне, спать в новой кровати и жить с человеком, который сделает новой ее жизнь.

Она сильно волновалась. И это при том, что знала Федора почти всю жизнь, часто ночевала в его холостяцкой квартире, готовила ему завтраки и иногда ужины, смотрела с ним футбол… Но как жить вдвоем? Что ее ждет?

– Маша? Зимина?

Она вздрогнула. Женский голос заставил ее обернуться. Девушка в белом брючном костюме стояла напротив солнца, и лица ее поначалу было не разглядеть.

– Маша, это же я, Галя!

Галка Курочкина! Вот это сюрприз! Школьная подруга, хороший жизнерадостный человек!

– Галка, как я рада! – Подруги обнялись. – Садись! Ты откуда?

– Из Калины. Это ты перебралась сюда, а я осталась там, работаю врачом в районной больнице. Вышла замуж…

– За Никиту?

– Да, и нисколько, между прочим, не жалею!

– Он хороший парень, я его отлично помню! Детки есть?

– Нет пока еще, но мы над этим работаем!

– Очень хорошо выглядишь!

– Ты тоже!

Маша смотрела на Галку и вспоминала ее девичьи разговоры о будущем. Мечтала окончить медицинский в Калине, но работать хотела в Москве: столица, заработки, другая жизнь. Это была ее цель. Видимо, роман с Никитой, любовь, а потом и замужество повлияли на нее, заставили отказаться от своей мечты, и вот она осталась в провинциальном городке Калина, работает там и вполне счастлива. Хотя, она может и лукавить. Галка не такая уж и простая, с двойным дном, всегда себе на уме. С лица ее никогда не сходит улыбка, она словно приклеилась к ней намертво. Даже когда она злится, у нее на лице улыбка, немного змеиная, страшноватая, но все равно улыбка.

– Значит, в Москву не поехала? – понимала, что не надо спрашивать, и так понятно, но все равно зачем-то спросила.

– Какие наши годы?! Еще поедем. Вместе с Никитой.

– А он чем занимается?

– В администрации работает, хорошую должность занимает, – напустила туману Галка.

Она была хороша собой, яркая брюнеточка с матовой кожей и ярко-синими глазами. Никто не верил в свое время, что у нее не синие линзы, а свои, похожие на драгоценные камни, глаза.

– Кого-нибудь из наших видишь? – спросила Маша скорее из вежливости, чтобы показать свою пока еще неразорванную связь с прошлым, с друзьями детства, с городом Калина. На самом деле все связи с друзьями, за исключением Федора, конечно, были потеряны, о чем она нисколько не жалела. Жизнь несла ее вперед, не давая возможности опомниться, не то что

оглянуться. Какие-то новые события, работа в адвокатуре, множество уголовных и гражданских дел, клиенты, суды, документы, а теперь еще и свадьба!

– Танюха Убейконева со мной работает, в педиатрии. Вадим Дорошев метит на прокурора. Егорка Князев, представляешь, выучился на повара, сейчас в Москве работает в каком-то дорогом ресторане, у меня визитка есть, если поедешь…

– А Андрей? Он с Алисой?

– Да. Они поженились, Алиса открыла художественный салон, скупает картины местных художников, занимается благотворительностью, кормит их, представляешь?! Договорилась с подругой, у которой свое кафе, чтобы по пятницам та предоставляла его голодным художникам, скульпторам, кажется, туда ходят и музыканты, а иногда приглашает всех к себе на дачу… – щебетала Галя. – Знаешь, эти художники, такие потрепанные жизнью люди, но интересные, талантливые, хотя и неудачники или просто спившийся народ… Она кормит их супом, жареной картошкой с котлетами, говорит, что отбивные они есть не могут, у них нет зубов…

– А с чего бы это ей заниматься этими людьми? Какой толк?

– Говорили, что ее родной отец был художником, знаешь, этаким непризнанным гением, он, кажется, повесился в своей мастерской… Думаю, отсюда такой интерес к художникам.

– Молодец Алиса, что я могу еще сказать! Вместо того чтобы деньги на тряпки тратить…

– Денег у них полно, – перебила ее Галка, продолжая свою мысль. – Папаша же пристроил Андрея в свою фирму…

– Вот я и говорю, что вместо того, чтобы тратить деньги на себя, она занимается таким благородным делом. Я бы на ее месте попробовала бы организовывать выставки, чтобы они могли реально заработать для себя деньги.

– Так вот она в своем салоне их и выставляет!

– Здорово! И как она выглядит? Не растолстела?

– Нет, такая же стройная, – поджала губы Галка. – И красивая. Они вообще хорошая пара. Видные такие, яркие!

– Понятно…

– Да, чуть не забыла, еще Сашок Горностаев. В деревню уехал. Квартиру продал и вложился в сельское хозяйство. У него бычки.

– Сашка?! Надо же! Он же на филологическом учился… Что ж, все устроились, я рада. За пять лет столько произошло перемен.

– А у тебя как дела?

– Нормально, замуж вот выхожу…

Галка, однако, пропустив эту важную для каждой нормальной девушки информацию мимо ушей и словно боясь потерять мысль (хотя, скорее всего, даже и не услышав Машу), вдруг сказала:

– Да! Вспомнила! Помнишь Федора Морозова? Такой красивый парень, мы все были в него влюблены…

Кровь бросилась в лицо Маше. Она даже дышать перестала. Интересно, о нем-то чего можно сказать? Федор уехал из Калины ровно пять лет тому назад, в Питер, к брату…

– Вот так живешь рядом с человеком, – Галка перешла на доверительный шепот и даже склонила голову поближе к Маше, – разговариваешь с ним, бываешь с ним в одной компании, слушаешь его анекдоты, смеешься и не знаешь, что он – убийца!

– Что-о? Кто, Федор?

– Говорю же: Федор Морозов! Не могу тебе рассказать, откуда мне обо всем этом известно, но факт достоверный, из первоисточника, так сказать.

– Федор – убийца? Ты ничего не путаешь? Тот самый Федор… Морозов? Друг твоего Никиты?

– Ну да!

– И кого же он убил?

– Забил насмерть одного подростка!!!

– Не может быть! Он же, кажется, давно уехал из Калины.

– Он потому так спешно и уехал. Убил и исчез.

– Что за подросток? – Маша почувствовала приближающуюся дурноту. Даже ее кожа отреагировала на услышанное, покрылась мурашками.

– Какой-то Коля Решетов.

– Кто он такой? Откуда?

– Ничего о нем неизвестно. Только то, что Федор убил его. И сбежал.

– Но если кому-то стало известно об этом, то почему его тогда не… посадили? – Этот вопрос дался ей с трудом. Ей показалось даже, что у нее волосы зашевелились на голове, она непроизвольно пригладила их ладонью.

– Говорю же, он сбежал! Чего ему бояться, если у него отец в прокуратуре работает?

– Постой… Забил… насмерть? Но ведь это же Федор! Мы же все его хорошо знаем. Это какая-то ошибка!!!

– Послушай, Маша, давай забудем все это… Как ты понимаешь, информация эта как бы секретная, официальные органы об этом ничего не знают, так что забудь и все! Мы не знаем, при каких обстоятельствах это произошло, может, этот Коля Решетов сделал что-то такое…

– Ты же говоришь – забил до смерти!

– Ну, может, зарезал. Я точно не знаю…

– Что-о?!

– Уф, и зачем я тебе только об этом сказала?

– И где сейчас… Федор?

– Да в Питере и живет, у брата. Никита сказал, что он окончил там ветеринарную академию или что-то в этом духе. Он же с детства любил возиться с животными.

– Галя, это тебе Никита рассказал?

– Какой еще Никита?! – замахала руками Галка. – Ты его, пожалуйста, не примешивай к этому делу! Вот дура я, что тебе рассказала.

– А ведь это Никита тебе рассказал. Думаю, он что-то знал об этом… Они же были друзьями. Никита знал и промолчал? Галка, чего ты так переполошилась? Я же никому ничего не скажу! Больше того, я считаю, что твой Никита – настоящий друг, раз не выдал Федора…

Она и сама не знала уже, что говорить. Но и прекращать разговор на эту тему было нельзя. Она должна была вытрясти из Галки как можно больше информации. Галка – болтушка, ей вообще нельзя доверять тайны. Вот и сейчас она наверняка выболтала то, о чем ей рассказал в порыве откровенности Никита.

– Послушай, а может, ты ошиблась, и тебе рассказали не о нашем Федоре? Ты же сама понимаешь, что твой рассказ ну никак не вяжется с его личностью, характером! Что могло произойти в его жизни, чтобы он поднял руку на человека, тем более на мальчишку?! Ты ошиблась!

– Да ничего я не ошиблась! – рассердилась Галка. – Это произошло на даче Арнаутовых… Давно, как раз лет пять тому назад. Есть один человек, который видел, как Федор убил этого пацана, а потом зарыл где-то в лесу.

– Но этот человек, выходит, тоже был на этой даче, а раз он был там, значит, он из их компании… Галя, послушай… Ты была там? Может, это ты все видела?

– Маша, с тобой трудно… Никого там не было, забудь… Сдался тебе этот Федор! Лучше держи язык за зубами. Я же тебе просто так сказала, про всех наших говорила, ну и Федора вспомнила!

– Галка… Не знаю, как тебе сказать… Я же адвокат, часто сталкиваюсь с тем, как люди оговаривают своих друзей, родственников, соседей, врут прямо в глаза, лжесвидетельствуют…

– Ты поэтому так переполошилась? Зацепили твою адвокатскую душу?

– Ну, да! – вздохнула с облегчением Маша, поблагодарив в душе Галку за подсказку и немного успокоившись, что своими вопросами и явным интересом к истории о Федоре она не успела выдать себя и не проговорилась, что собирается выходить замуж как раз за этого Федора. Хотя ее так и подмывало признаться в этом. Но кто знает, как поведет себя Галка, когда узнает об этом, может, закроет рот и вообще ничего не расскажет! – Меня это как адвоката, как юриста просто бесит… Кто-то чего-то там услышал, придумал и добавил от себя, и вот уже невинный человек обвиняется в тяжком преступлении! Думаю, что Федор ни в чем не виноват. Просто ты услышала звон и не знаешь, откуда он…

Галка вдруг внимательно посмотрела на Машу, и от этого проницательного взгляда, от которого повеяло несчастьем, бедой, Маше стало не по себе.

– Тебя не было там, ты с родителями куда-то уехала… Мы все собрались у Арнаутова на даче. Там так хорошо было, весело… – Она понизила голос до шепота. – Короче, мы все перепились тогда. Уж не знаю, откуда столько алкоголя взялось. Начали с шампанского, потом пили вино, виски, а под конец и вовсе водяру! Спали все вповалку, кто где уснул… Ты же помнишь этот дом, там много места… Кстати говоря, тогда Алиска и переспала с Андреем. Она же раньше встречалась с Федором, но потом они расстались. Мы ее еще осуждали тогда, мол, бросила хорошего парня, погналась за деньгами… Ты помнишь эту историю?

– Конечно. Помню, – покраснела Маша, раздосадованная тем, что ей напомнили о романе Федора с красавицей Алисой.

– Так вот. Никита проснулся раньше всех, думаю, ему в туалет надо было. Ну и увидел все это!

– Что – это?!

– Ну, как Федор прикончил какого-то чужого парня, мальчишку совсем…

– Как прикончил?

– Ну, я точно не знаю… Я не вдавалась в такие подробности. Думаю, что когда Никита заглянул туда, в ту комнату, где был Федор, все уже было кончено… Ни криков, ни стонов… Кровищи кругом – жуть! Он завернул труп в простынку, и она сразу стала красной от крови. Потом потащил его к выходу… Отволок в лес, ну и закопал! Да, он еще возвращался за лопатой!

– А Никита? Где он в это время был?

– Прятался за деревьями. Он тоже был в шоке, думал, что у него вообще глюки!

– И что потом?

– Потом он вымыл полы там, где убивал…

– Да чушь все это, Галка! Кто-нибудь, да заметил бы!

– В том-то и дело, что никто ничего не заметил. Все дрыхли!

– А что потом? Что тебе рассказал Никита?

– После того как Федор все вымыл, пришла какая-то женщина с молоком, Федор купил, Никита сказал, что будет печь блины. Федор сказал, что ему нездоровится и уехал. Вот так все и было.

– Но это не могло не отразиться на их отношениях…

– Да какие отношения, если Федор чуть ли не в тот же день и уехал в Питер, к своему брату. Вместо того чтобы поступать дома, он же только что аттестат получил, школу закончил… Так вот, вместо этого он быстро собрался и уехал. И больше они с Никитой не виделись.

– И не перезванивались?

– Понимаешь, Никита должен был вести себя естественно, ну, как будто он ничего не видел, не знает. Поэтому он зашел как-то к родителям Федора, спросил, почему Федор вдруг уехал, те только пожали плечами. Он спросил, почему телефон Федора молчит, и родители сказали, что он потерял свой телефон на какой-то даче… Вранье все это! Он просто его выбросил, чтобы ни с кем не общаться. Конечно, родители ничего не заподозрили, подумаешь, телефон потерял. Ну и дали Никите его новый номер. Никита позвонил Федору, тот сказал, что он в Питере, сдает экзамены в ветеринарную академию, что сильно волнуется, что ему очень хочется остаться жить в этом городе… Что, если повезет, то ему дадут комнату в общежитии. Короче, он тоже вел себя как бы естественно, нормально. Они потом еще несколько раз разговаривали по телефону, Федор сам звонил Никите, спрашивал о чем-то, думаю, что просто не хотел вот так резко разрывать отношения. Ну а потом все как-то заглохло… Каждый уже жил своей жизнью.

– А с другими он тоже не общался? Ведь он же был такой общительный, веселый, как ты говоришь…

– Да, звонил кому-то из наших, рассказал, что поступил, что живет теперь в Питере, общежитие не дали, он живет у брата, помогает ему в его бизнесе… Маша? – Галка вдруг увидела большую красивую коробку. – А это что у тебя? С самого утра шопинг?

– Говорю же, замуж выхожу, – сказала Маша и почувствовала, как глаза ее наполняются слезами.

– И за кого?

– За одного хорошего парня.

– Поздравляю!!! И сидит, молчит!!! Ну, давай рассказывай!! – И Галка весело похлопала подругу по плечу.

3. Оля. 2009 г

Оля допила кофе с молоком, вымыла чашку, вытерла и поставила ее в буфет. Полюбовалась красивым, в розочках, сервизом за его прозрачными дверцами, окинула довольным взглядом вычищенную кухонную мебель, промытые окна, белые занавески на окнах, белые полотняные подушечки на стульях и осталась довольна. Все-таки она сделала это. Смогла! Приехала в Москву, нашла работу и поселилась не где-нибудь в Выхино, а на Тверской улице, в самом сердце Москвы! И работа спокойная, никто тебя не донимает, никто не пристает, прибираешься в квартире, варишь борщ, печешь пирожки, гладишь рубашки, а тебе и денежка идет, и комнатку тебе отвели отдельную, с удобной кроватью и необходимой мебелью, и в ванне можешь плескаться, сколько душа пожелает, и хоть весь день гуляй себе по Москве, главное, чтобы к возвращению Михаила Иосифовича было прибрано, ужин готов, чаек с травками заварен, полотенца подогреты в ванной комнате, постель чистая, разобранная ко сну. И чтобы в доме было тихо. Все!

Место домработницы Ольга получила случайно, как это часто бывает в больших городах. Пришла по объявлению в один дом, там никто не открыл, и женщина-почтальон, родственница соседки Михаила Иосифовича Левкина, ученого-физика, сжалившись над ней, подсказала, где освободилось подобное место.

– Ну что ты стоишь здесь! – шепнула она Ольге, стоявшей в растерянности перед дверью на первом этаже высотного дома, где ей была обещана работа. – В домработницы пришла наниматься?

Было холодно, Ольга в осенней куртке и вязаной шапке отогревалась возле батареи, собиралась с духом, чтобы выйти из подъезда в ноябрьскую стужу и ветер. Почтальонша, высокая худая баба с простым добродушным лицом, одетая в сиреневый пуховик и большой белый берет, проворно рассовывала по почтовым ящикам газеты, журналы и рекламные проспекты. Пахло бумагой и свежей типографской краской.

– Да, только никто не открывает. Сказали приехать к девяти. Я даже раньше пришла, уже никого не застала.

– И не застанешь. Хозяева во Владивосток к сыну уехали, дите там народилось, внук. Квартира пустует, эти мерзавцы, что людей грабят и обманывают, дают этот адрес кому ни попадя: вроде как квартиру здесь сдают, так они задаток себе берут, или работу тебе предлагают, рублей пятьсот, а то и всю тыщу слупят с бедолаги-безработного, вот как ты, люди приходят, а квартира-то пустая! Вот и ты так же. Тебя как зовут?

– Ольга.

– Ты откуда приехала-то?

– Из глубинки… Из провинции, – ответила Ольга, чувствуя себя неловко от того, что не может спокойно, без всякой задней мысли ответить женщине. Что страх слишком глубоко сидит в ней, не дает расслабиться ни днем, ни ночью.

– Ну, не хочешь говорить, не надо! – нисколько не обиделась женщина. – Я же понимаю, сюда к нам приезжают не от хорошей жизни. Работы хорошей нигде нет, а в провинции и подавно. Ты готовить умеешь?

– Конечно!

– А чистить, мыть, убирать?

– Да.

– Аккуратная?

– Ну да…

– Думаю, что помогу тебе с работой. У меня сестра живет с мужем на Тверской улице, в самом центре. Повезло Лидке, вышла замуж за профессора. Ну да ладно, не о ней речь. Сосед у нее, физик, очень хороший порядочный мужчина. Жениться не успел, все формулы свои писал-рисовал, опыты какие-то ставил. Но голова – золотая. Все какие-то гранты выигрывает, мне Лидка рассказывала. Очень она его уважает. Так вот. У него женщина одна жила, не жена, нет, не подумай чего, просто готовила ему, полы мыла, стирала. Замуж она вышла. Встретился ей человек, познакомились в метро, ее Полиной зовут. Месяца не прошло, как она пришла к Левкину, так, мол, и так, Михаил Иосифович, ухожу я от вас, в Люблино буду теперь жить, замуж выхожу. А сама плачет! Может, себя жалеет, что потеряла такое место, новый-то ее муж, бизнесмен, поставил условие, чтобы она нигде не работала, чтобы детей рожала. А может, его пожалела, что оставляет без присмотра. Он очень беспомощный. Если его не покормить, так и будет голодный сидеть за своим ноутбуком. Лидка, добрая душа, уже ищет ей замену, Полина еще вчера собрала вещички и переехала в Люблино, поэтому ты, девушка, поторопись, принимай решение. Не пожалеешь, точно тебе говорю. Еще вспомнишь меня добрым словом!

– Так я согласна. А какие деньги платят?

– Хорошие, не боись. Говорю же, в накладе не будешь. Погоди-ка, я позвоню Лидке-то. Меня, кстати, Настей зовут, Анастасией Алексеевной. Так я звоню?

– Звоните!

– Алло? Лидок? Привет, это я… Ты Левкину своему еще никого не нашла?..

Вот так, с легкой руки почтальонши Насти, сестра которой (живя по соседству и будучи замужем за коллегой Левкина по университету) долгие годы опекала талантливого физика, Оля и получила это место.

Уже через неделю работы у Левкина, понимая, как же крупно ей повезло с работой и как славно все устроилось, благодаря отзывчивой почтальонше, она решила отблагодарить женщину, разыскала ее с помощью Лидии Алексеевны, приехала к ней в гости с пирогами и скромным серебряным колечком, купленным на первые заработанные деньги. Так они стали подругами, и Настя стала единственным близким человеком, с которым можно было отвести душу за разговором, выплакать свою боль, посоветоваться, обратиться за помощью. Однако даже ей, как Оле тогда казалось, она никогда бы не рассказала то, что отравляло ее жизнь, что мешало жить так, как живут все нормальные люди, и что ни на минуту не позволяло расслабиться и забыть прошлое.

– Знаешь, иногда бабы любят позубоскалить, наговорить лишнего о том человеке, который работал на твоем месте до тебя, о предшественнице, понимаешь? Но вот ничего не могу сказать плохого о вашей Полине, – сказала как-то Ольга Насте.

Они гуляли в Сокольниках, ели мороженое. У Ольги был выходной.

– Полина, она была хорошая. Может, простоватая, без фантазии, но честная и трудолюбивая. Лида моя за ней присматривала, особенно первое время. Она же взяла ее с улицы, Поля ушла из дома, ее муж избил. Лида очень переживала, что привела к Левкину незнакомого человека. А вдруг украдет чего? Но потом успокоилась. Конечно, наводила о ней справки, выяснила, что Поля рассказала ей чистую правду. Да я и с тобой рисковала, ничего же о тебе не знала!

– А чего сама не пошла работать к нему?

– Хороший вопрос. Ну, во-первых, я люблю свободу. У меня своя квартира, сбережения кое-как имеются, да и Лида, добрая душа, мне помогает. Вечно с полными сумками ко мне приезжает. Деньжат подкидывает. А в прошлом году так и вообще шубу мне мутоновую подарила. А во-вторых, мужчина у меня есть. Володя. Он, правда, женат, у него дети, и вряд ли он когда-нибудь разведется, но у нас любовь. У Левкина жить надо, работать вроде как круглосу-

точно, как бы я с Володей встречалась? А так… Сама понимаешь… А тебе в твоем теперешнем положении, когда у тебя пока нет своего дома, такая работа в самый раз!

– А что Левкин? Почему он один?

– Так робкий. Физик, одним словом. Или, как сейчас говорят, «ботаник». Его брать нужно. Полина в этом плане тоже такая же, как и он, никогда мужика в нем не видела. А ты будь поумнее, вдруг у вас с ним чего получится? Не теряйся, девочка! Смотри, скамейка свободная, посидим, покурим?

Левкин, сорокапятилетний, хорошо сложенный, но совсем не спортивный мужчина с мягкими русыми волосами, карими глазами и по-детски неловкими, порывистыми движениями, жил в каком-то своем мире. Ольга предполагала, что его голова никогда не отдыхала, что мозг его работал даже во сне, потому что не один раз просыпаясь ночью от звуков, видела его сидящим за письменным столом и щелкающим пальцами по клавиатуре компьютера. О чем он думал, наверное, знали только его студенты да коллеги по работе. Помимо преподавательской деятельности он занимался наукой, часто задерживался в своей лаборатории, вечно что-то записывал на маленьких листочках, вел бесконечные телефонные разговоры со своими коллегами на тарабарском, непонятном Оле, языке. И вот за все это, за его увлеченность, ум, детскую непосредственность и щедрость, благодарные улыбки за вкусный обед или за купленный по ее женской инициативе сервиз в розочках (который он заметил!!!), за чистоту и порядок во всей квартире и за многое-многое другое, чем окружили его заботливые женские руки, Оля его и полюбила. Всем сердцем.

Да, безусловно, он был богат. Но сколько состоятельных мужчин подвергают своих подчиненных, жен, любовниц и даже друзей унижению, связанному с материальным неравенством. К счастью, Левкин был не такой. Хотя и совершенным уж простачком, не считающим свои деньги, его тоже назвать было нельзя. Он был умен, а потому мог параллельно своим физико-математическим головоломкам решать и не менее сложные (в особенности для мужчин) бытовые. С ним Оле было легко еще и потому, что у нее и мысли никогда не возникало надуть его в хозяйственных деньгах, положить, к примеру, в карман золотую зажигалку (подарок коллеги из Лондона), подкармливать за счет Левкина любовника, чем потихоньку занималась, как выяснилось, его первая домработница, предшественница Полины – Лиза из Львова.

Отношения Ольги и Левкина были настолько ясны, просты и прозрачны, что она и не заметила, как привязалась к нему и стала воспринимать его, как совсем не чужого ей человека. Это выражалось прежде всего в ее чувствах к Левкину. Здесь намешалось все: восхищение, жалость, уважение, благодарность и даже нежность.

Он как-то легко позволил ей обустроить свой дом, доверившись ее вкусу и знанию при покупке посуды, занавесок, ковров, постельного белья и разных необходимых в хозяйстве бытовых приборов. И Ольга, которая так и не успела в силу жизненных обстоятельств побывать невестой, женой, теперь с удовольствием играла в эту приятную для нее игру, получая от этого истинное наслаждение.

…Раздался звонок. Ольга бросилась открывать. Знала, что это вернулся Левкин. И как-то сразу успокоилась. Она всегда успокаивалась, когда он приходил домой. Пусть он работает в своем кабинете, пусть засиживается там допоздна, не важно, главное – он дома.

Распахнув дверь, Оля увидела букет красных роз. Розы были небольшие, бархатные и на вид твердые, аккуратные. Их было так много, что хозяйственная Ольга, мысленно прикинув стоимость букета, даже ахнула, приложив ладонь к губам. За букетом и не видно было Левкина.

Он шагнул вперед, как-то очень ловко зацепил ногой дверь, чтобы она захлопнулась за его спиной, протянул цветы Оле:

– Это вам, Оля.

– Мне? Спасибо… – Она приняла букет, поднесла к самому лицу. – Господи, какая красота!!!! Но… почему? Я не понимаю…

И тогда скромный Левкин, сжав кулаки и собравшись, подошел к ней совсем близко, так, что она почуяла запах его туалетной воды и успевший въесться в костюмную ткань слабый аромат цветущих на улице лип, и сказал:

– Я очень хочу, чтобы вы стали моей женой, Оля.

Сказал, закрыл глаза, словно в ожидании взрыва, как новобранец на войне, у него от напряжения даже плечи приподнялись.

– Оля? – Он открыл глаза и теперь стоял и смотрел на нее растерянно и даже испуганно, будто не совсем уверенный в том, что не перепутал женщину, не обознался. – Вы согласны?

4. Зоя. 2009 г

Зоя Наумова, женщина тридцати лет, лежала на кровати под двумя одеялами и не слышала звонка. Между тем в дверь звонили долго, настойчиво.

– Зоя, открой!!! Открой! Я знаю, что ты дома!

Это была ее подруга, Катя, обеспокоенная тем, что Зоя не отвечает на звонки с самого вечера.

– Катя, сегодня решится наконец моя судьба, – сказала она ей позавчера.

Подруги работали в парикмахерском салоне, держались вместе, дружили, доверяли друг другу свои женские тайны, дружили, что называется, семьями.

У Кати был муж, Алик, старше ее на пятнадцать лет, очень приличный, работящий человек, которому она родила дочку. Единственной проблемой Кати был конфликт с хозяйкой салона, Маргаритой, стареющей и очень одинокой женщиной, которая зачастую несправедливо придиралась к ней и просто испытывала к ней, к благополучной, неприкрытое чувство неприязни. Катя давно бы уже ушла, если бы не знала, что Маргарита собирается продать салон из-за карточных долгов ее сына. Вот она и ждала момента, когда можно будет купить его, предусмотрительно оформив на мать, чтобы в документах не фигурировала фамилия самой Кати, которой Маргарита ни за что не продала бы свой салон.

У Зои жизнь тоже поначалу складывалась удачно, она вышла за талантливого художника-оформителя, красивого парня, который, правда, оказался бесплодным. Но была любовь, на многое закрывались глаза, хотелось оставаться счастливой, несмотря ни на что. Смирившись с тем, что у них никогда не будет детей, Зоя находила себе занятия по душе: разучивала латиноамериканские танцы, ходила на йогу, купила вязальную машину и вязала на ней свитера на заказ, коллекционировала бабочек, занималась своим здоровьем и даже выращивала на даче какие-то необыкновенные цветы. Муж, Стас, любил ее, был заботлив и нежен, часто дарил подарки, рисовал ее портреты, и так продолжалось бы и дальше, если бы ему не посчастливилось выкупить (взяв кредит) одно из самых крупных рекламных агентств в городе. И Стас «провалился в работу по самые уши», как любила повторять Зоя. Он дни и ночи стал проводить на работе, а позже, разобравшись, чего же он хочет от этой работы помимо денег, назначил директором своего друга, поручив ему работу с документами, а сам устроил на даче мастерскую, где с удовольствием выполнял самые интересные заказы. Вот так и случилось, что Зоя осталась жить в городской квартире, а Стас переселился на дачу в Абрамово. Поначалу Зоя скучала, плакала по ночам, не понимая, как можно было вот так бросить ее и даже не звонить ей сутками, ссылаясь на работу. Ей было обидно, она даже пыталась ревновать Стаса, приезжала к нему неожиданно ночью на дачу, предполагая, что он там не один, что у него появилась другая женщина, но всегда заставала одну и ту же картину: Стас в мастерской, или работает или спит, уставший и голодный, на кушетке. Вот такой оказался увлеченный человек.

– Катя, как же так? И не пьющий, не курящий, и не изменяет, и любит меня, а жизни нет… Я всегда одна, всегда! Мы никуда не ходим вместе, нигде не бываем, забыла уже, когда с вами встречались, как раньше, помнишь? Пикники, шашлыки, какие-то поездки… Что делать? Я любви хочу, нежности… Забыла уже, какой он в постели. Даже когда приезжаю к нему, он, как ненормальный, сидит за столом или вообще на полу, вокруг рулоны бумаги, банки с красками, два ноутбука стоят, на экранах рисунки, буквы, фотографии… Он хороший рекламщик, увлеченный человек! Он как-то сказал мне, что ему звонили из Москвы, приглашают на собеседование, хотят с ним заключить контракт… И что тогда?

– А тогда он, если посулят хорошие деньги и условия, переедет в Москву, – проронила нечаянно Катя. – Но и ты с ним поезжай!

– Нет, Катя, никуда я с ним не поеду. Если уж здесь он не обращает на меня внимание, то там – и подавно. И что я там буду делать?

– Если денег будет много, то сама знаешь, будешь жить себе спокойно, сидеть дома, гулять по Москве, наслаждаться жизнью! Тебе не надо будет никому красить или завивать волосы, дышать этой химией… У тебя начнется совершенно другая жизнь. Будешь путешествовать. А Стас твой пусть сидит за своими рисунками…

Но Стас, хоть и заключил договор с московским рекламным агентством, никуда не уехал. Поставил условие, что останется работать на своей даче и будет отправлять им свои работы с проводником, поездом. А эскизы – по Интернету, как водится.

Первое время Зоя пыталась опекать мужа, приезжала к нему, готовила обеды, убиралась на даче, но как-то раз она вместе с мусором выбросила какие-то нужные зарисовки, Стас наорал на нее, она обиделась и вернулась в город.

Проплакав целый вечер, она умылась, вышла прогуляться по городу, зашла в кафе, выпила в полном одиночестве мартини (чего с ней никогда в жизни не случалось!) и там же познакомилась с мужчиной. Он тоже пил в одиночестве, но виски. Он подсел к ней, заговорил, и она, размякшая, несчастная в своей обиде, разрыдалась и рассказала ему о своей неудавшейся семейной жизни. Мужчина же, в свою очередь, признался, что он официально не женат, но жил с женщиной, большой любительницей Турции, и что она, будучи сама не бедная, несколько раз в году ездила в Стамбул, как потом выяснилось, к одному пожилому турку, за которого сейчас собирается замуж, уже даже чемоданы собрала. Мужчину звали Павел.

Утром Зоя проснулась в чужой квартире, в чужой постели, рядом с незнакомым мужчиной. Так начался ее роман с Павлом, который она тщательно скрывала от Стаса и который наполнил ее жизнь новыми красками, чувствами, впечатлениями.

– Знаешь, Катя, мне с ним так сладко. Понимаю, что обманываю Стаса, что нехорошо так с ним поступать, но ты не поверишь, сейчас, когда у меня есть Павел, я Стаса полюбила еще больше! Вот такая я странная! Я стала все успевать, и куда делась моя раздражительность? Я стала чаще бывать на даче, привожу Стасу полные сумки пирогов и котлет, мою полы, стираю… Стала веселой и какой-то, стыдно сказать, счастливой! Стас даже… Короче, мы с ним уже несколько раз переспали. Вот как все это называется? Значит, когда я была ему верной, смотрела ему в рот и ждала от него любви, он как будто не замечал меня. А теперь, когда у меня любовник и когда я стала подлая, гадкая, грязная, да-да, именно так я и чувствую, мой Стас смотрит на меня другими глазами, словно только что прозрел! У тебя новая блузка, говорит, представляешь?! Или: у тебя глаза медового оттенка… А я смотрю на него и думаю: дурак ты, Стасик, целуешь меня, обнимаешь, а не знаешь, что твою жену всю ночь обнимал другой мужчина, который оставил свои следы везде, везде… Вот и пойми после этого мужчин?

Поначалу Зоя окунулась в новую для нее жизнь с азартом игрока, которому везет. Ей было весело и комфортно со своими двумя мужчинами. Она металась между городом и дачей, встречалась с мужем и любовником, обоих кормила, обо всех заботилась, и потом призналась Кате, что чувствует себя как-то странно, ее постоянно лихорадит, словно она никак не может успокоиться, что вся на нервах, что ее эта двойная жизнь уже напрягает, что ей хочется определенности, спокойствия, любви наконец.

С Павлом она встречалась в его квартире, хотя могла бы запросто привести любовника и к себе. Но страх, что в любую минуту домой может заявиться Стас, не позволял ей решиться на такое. Да и спать с Павлом в супружеской кровати она бы не смогла.

– Он бегает за мной, и мне это приятно, – говорила она Кате, и глаза ее при этом блестели каким-то нездоровым блеском, как у человека, который сомневается в том, что счастлив, но боится признаться в этом даже себе. – Знаешь, я словно переела пирожных, и меня тошнит.

Катя посоветовала ей уже определиться, но только в том случае, если она уверена, что у них с Павлом все серьезно.

– Конечно, серьезно! Он очень любит меня, я это чувствую.

– Вы никогда не разговаривали с ним о будущем?

– Ну, почему же… Разговаривали. У Павла была когда-то семья, вернее, жена, детей нет. Я знаю, что он хочет детей. Но понимаешь… Он очень занятой человек, работает в мэрии, весь в делах, правда, зарабатывает неплохо…

– Кем именно он работает в мэрии?

– Кажется, одним из помощников мэра… Думаю, он выполняет какие-то его поручения, часто бывает в командировках.

– А ты наведи о нем справки. Открой Интернет, официальный сайт мэрии и поищи его среди помощников мэра.

– Ладно, я так и сделаю. Хотя, я же сама лично видела его вместе с мэром, как-то в городе, они пили кофе в кафе. О чем-то оживленно разговаривали. Я сначала не узнала Власова, хотела уже подойти к Павлу, но смотрю, к ним идет официантка, улыбается во весь рот, просто сияет, обращается к соседу Павла по имени отчеству: Виктор Владимирович! И тогда я поняла, что это Власов, раньше же я его только на фотографии видела. Во время выборов в газетах…

– А что, если Павел – это твоя судьба? Возьми и забеременей! Стас-то твой не смог дать тебе детей, а Павел, быть может, обрадуется такому известию. Или же, чтобы не рисковать, выдумай беременность, проверенный способ. Даже если у вас с ним ничего не получится, у тебя будет ребенок! Скажешь Стасу, что тебе сделали искусственное оплодотворение, и все дела! Но так ты, во всяком случае, сможешь проверить чувства Павла. Если он действительно любит тебя, то известие о твоей беременности обрадует его, тем более как ты говоришь, у него нет своих детей.

Катя искренне желала ей добра, хотела, чтобы Зоя была счастлива.

Пока Зоя решалась на беременность – мнимую ли, настоящую, время шло, она стала привязываться к Павлу, стала больше времени проводить в его квартире, с особым удовольствием, свойственным влюбленным женщинам, желающим показать себя примерной хозяйкой, привела ее в порядок, вычистила ковры, даже купила новые занавески, кастрюльки, сковородки. Павел не возражал, чтобы она заняла полку в его шкафу, куда бы складывала свою одежду.

Однажды утром Зоя пришла на работу, и все заметили, что с ней что-то происходит. Она просто сияет от счастья. Разве что не напевает!

– Ну, что, подруга, я вижу, у тебя все хорошо? – спросила ее Катя в курилке. Работы было много, с трудом удалось выкроить пять минут для отдыха. Восемь человек дожидались своей очереди на стрижку, две женщины-инопланетянки с торчащими во все стороны упакованными в фольгу накрашенными прядями листали журналы и посматривали на часы, сонная бабулька, решившаяся на химическую завивку, сидела в уголке с туго накрученными на деревянные палочки волосами и дышала с видом жертвы ядовитыми испарениями вылитого на голову щелочного раствора.

– Я сказала ему, что беременна! – Зоя сжала кулачки от будоражащей радости. – И он сказал, что это здорово! Что дети – это счастье!

– И что потом? Он сделал тебе предложение?

– Он… Нет, официального предложения не сделал, да и как он мог сделать, ведь это надо обдумать, к тому же он просто не был готов, нужно купить кольцо, обставить все как-то красиво, я так полагаю… Но ничего, я подожду!

– Что с твоими глазами?

– А что? Что с моими глазами?

– У тебя они розовые.

– Ночь не спала, честно говоря. Все представляла себе, как буду со Стасом говорить, как объясню ему, что выхожу замуж за другого. С одной стороны, все вроде как закономерно, тем более что Стас живет совершенно отдельной жизнью, творческой… Хотя я вполне допускаю мысль, что к нему захаживает соседка по даче… Женечка, молоденькая, смазливая, Стас говорил как-то, что она попросила его написать ее портрет, за деньги, разумеется. Стас хоть и оформитель, но рисует очень хорошо, особенно ему удаются портреты, карандашные зарисовки.

– Но ты же можешь и дальше жить с двумя мужчинами…

– А вдруг я все это себе придумала, и Павел меня не любит?

– Тогда просто останешься со Стасом! Будешь вспоминать свой роман, как приключение!

И тогда Зоя призналась, что влюбилась в Павла, что если раньше он, что называется, бегал за ней, то теперь – она.

– Я нахожусь в эмоциональной зависимости от него, – шептала она на ухо Кате, обдавая ее теплым дыханием с запахом табака и мятной жевательной резинки. – Постоянно думаю о нем, жду его звонка, чуть ли не подпрыгиваю, когда звонят в дверь, хотя точно знаю, что это не он. И если прежде он не казался мне красавцем, у него, знаешь, такое вытянутое лицо, большие уши и крупный нос, то теперь его лицо кажется мне мужественным, он нравится мне, я люблю его, и я не знаю, что мне теперь делать!

– Любовь – опасная штука, – зачем-то сказала Катя и удивилась тому, что проронила это неосознанно, словно кто-то внутри нее, очень опытный, высказал свое мнение, желая предупредить Зою.

– Да я и сама знаю, – отмахнулась с горечью Зоя. – Ладно, посмотрим. Главное я ему сказала. Ребенок – не шутка. Если любит, сделает предложение. Если нет – вернусь к Стасу, вообще поселюсь на даче, буду ухаживать за ним, потом признаюсь в беременности и рожу ребенка. Вот такой мой план.

«Катя, сегодня решится наконец моя судьба», – сказала она ей позавчера. Весь вчерашний день Катя не решалась ее тревожить, понимая, что подруга занята устройством личной жизни, и ей явно не до нее. Но когда она не ответила ей на тридцать телефонных звонков, заволновалась и приехала к ней утром.

– Открой!

Позавчера, значит, решалась ее судьба. Может, уже и решилась, и она переехала к Павлу. А телефон не берет, потому что просто не хочет. Или же оставила в машине Павла. Или дома, когда в спешке собиралась к нему, укладывала свои вещи.

Однако, постояв несколько минут перед ее дверью, подумала, что Зоя – не такая, она никогда не оставила бы свой телефон где бы то ни было. Они с Катей были близкими людьми, а потому она все равно нашла бы способ позвонить ей и рассказать, как все прошло. Или же – с ней что-то случилось.

Вот поэтому Катя, стоя у Зои под дверью, разволновалась и сказала, что знает, что она дома. Чтобы, если она действительно дома, открыла.

…Зоя выползла из-под одеяла, набросила на себя халат, но тут же почувствовав сильное головокружение, снова села на постель.

Катя пришла. Милая и добрая Катя, как же она расстроится, когда узнает, что с ней произошло.

Она собралась с силами и доплелась до гостиной, увидела накрытый стол (жареная утка, фрукты, салаты, ваза с лилиями, запах которых сейчас вызывал дурноту) и слезы покатились по щекам.

Павел заявился поздно ночью, какой-то странный, явно не в себе, с бледным лицом, прошел мимо нее, словно она – неодушевленный предмет, плеснул себе водки в рюмку, залпом выпил, потом еще и еще. Затем зашел в ванную комнату.

Она видела в приоткрытую дверь, как он снимает с себя рубашку, как зачем-то замывает ее. Сначала он намочил рукава, затем намылил мылом и прополоскал. Вода была розовая.

Он замывал кровь, в этом не было никаких сомнений! Она своими глазами видела красные пятна на манжетах.

Потом он, не замечая того, что дверь не плотно закрыта и что за ним могут наблюдать, надел на себя эту мокрую рубашку, сверху – пиджак, затем помочился (Зоя отвернулась) и вышел, чуть не ударив ее, находящуюся в каком-то ступоре, дверью.

– Слушай, в мокрой рубашке ходить неприятно… Вспотел, знаешь… Дай-ка мне какую-нибудь футболку или рубашку…

Он стянул с себя пиджак, сорвал рубашку и швырнул ее в приоткрытую дверь ванной комнаты.

– Не стирай, выброси или пусти на половую тряпку. Я ее в краске выпачкал.

– Да, конечно… – Она метнулась в спальню, достала из шкафа черную тенниску Стаса.

– Вот, держи.

– Ну и отлично! – Павел натянул на себя тенниску, сверху надел пиджак. – Совсем другое дело!

И направился к двери. Но по пути задержался возле нее и сказал, потрепав ее по щеке, как-то сильно, при этом грубо пощипывая:

– Если спросят, скажешь, что я был у тебя весь день, с часу дня до утра, поняла, зайка? Это важно. Ну все… Я тебе позвоню.

И ушел.

Она некоторое время простояла неподвижно в прихожей, затем зашла в ванную комнату и увидела, что раковина забрызгана розовыми каплями.

В унитазе – моча. Он даже не смыл ее водой.

Всю ночь она прорыдала, зарывшись с головой в постель. Утром приняла решение сделать аборт, и сделала бы, наверное, если бы нашла в себе силы доехать до больницы.

…Она распахнула дверь и бросилась к Кате:

– Катя, Катя! Как хорошо, что ты пришла!

Она схватила ее за руку, втащила в дом. Прижалась к ней, и Катя почувствовала, что она горит.

– У тебя температура, Зоя. Что случилось? Пойдем, ты мне все расскажешь.

Они остановились на пороге большой комнаты, Катя увидела накрытый стол и все поняла. Не пришел. Этот мерзавец, этот Павел обманул ее! Можно было уже ничего и не расспрашивать, чтобы не причинять ей боль!

– Представляешь, я подогревала ему утку два раза… А он, он… Он пришел и…

– Так он был здесь? Был?

– Да, он был, пришел, сходил в туалет и ушел. Он даже не вспомнил о ребенке! Катя, ему нужно было алиби… Вот так. – И она разрыдалась.

5. Маша. 2014 г

– Лиза? Как хорошо, что я тебя застала. Знаю, что у тебя суды, что вы с Глашей постоянно в разъездах, значит, мне просто повезло, что я застала хотя бы тебя. Но знай, что Глашу твою я люблю уже за то, что она есть… – Маша и Лиза обнялись.

Большая приемная адвокатской конторы напоминала скорее домашний уютный кабинет, но никак не общественное место.

– Послушай, – сказала с восхищением Маша, оглядываясь и осматривая комнату, – когда была в прошлый раз, ковров не было… Боже, какая роскошь! А полы, роскошный паркет… Девчонки, какие же вы молодцы! Так подняться! В городе вас считают самыми крутыми адвокатами… Вернее, Глаша еще не адвокат, но, думаю, она тебе здорово помогает.

– Глаша – моя правая рука, – улыбнулась Лиза. – К тому же она учится. Еще немного, и получит диплом. Ты права, она замечательная!

Елизавета Травина, высокая светловолосая молодая женщина в зеленых шелковых брючках и белой блузке, подошла, покачиваясь на высоких каблуках, к кофейной машине и включила ее. Раздался страшный шум, и приемная стала наполняться ароматом молотого кофе.

– Обожаю эту умную машину! – сказала Лиза. – И кофе сама мелет, и варит его… Кофе получается крепкий… А хочешь, я угощу тебя ромовой бабой? Глафира не может пройти мимо нашей кондитерской, и меня вот подсадила на разные бабы, эклеры…

– Можно… – вздохнула Маша, и невеселые мысли, ставшие причиной ее визита к подруге, накатили, захлестнули, она едва сдержалась, чтобы сразу не расплакаться.

Лиза взглянула на нее с сочувствием:

– Знаешь, по твоему лицу сразу все видно. Жаль, что ты не нашла времени зайти ко мне просто так, без причины, чтобы мы с тобой кофейку выпили, поболтали о нашем, о женском… Проблемы с клиентом? Сильно давят? Или деньги просят вернуть?

Маша не обиделась на нее за эти вопросы, понимая, что Лиза предположила самую распространенную среди молодых адвокатов проблему, связанную со сложными клиентами, и просто искренне хотела помочь.

– Нет-нет, с этим, слава богу, все в порядке.

– Неужели с Федором поссорилась? В это я уж точно никогда не поверю. Я знаю твоего Федю, он классный парень и не способен сделать тебе больно. Уф… Что-то я, по-моему, много говорю. И это вместо того, чтобы выслушать тебя, Машенька. Садись вот в это кресло, оно волшебное, всем помогает, и рассказывай!

– Лиза, я случайно узнала от своей знакомой, что Федор убил человека.

И Маша, закрыв ладонями лицо, не выдержала и расплакалась.

– Да подожди ты плакать-то! Где сейчас Федор?

– На работе. Я ему звонила, просто хотелось его голос услышать… Попросила его купить хлеб. – Она тяжело вздохнула.

– Ошибки быть не может?

И Маша принялась рассказывать.

– Насколько я поняла, твоей подруге, Гале, рассказал эту историю ее муж, Никита, считавшийся другом твоего Федора, так?

– Полагаю, что так.

– Поэтому, собственно говоря, Федор вышел сухим из воды, то есть Никита промолчал, никому ничего не рассказал и позволил другу благополучно уехать в Петербург. Ты хочешь выяснить, правда это или нет, да? Ведь тебе далеко не безразлично, за кого выходить замуж. А если предположить, что это все вранье, от начала и до конца? Ты не представляешь себе, какие истории выдумывают люди, чтобы что-то скрыть или кого-то опорочить. Ты что-нибудь знаешь об отношениях Федора с Никитой? Может, у них был конфликт, может, наоборот, Никита совершил преступление и решил свалить все на Федора? Ты хорошо Никиту знаешь?

– Да нет, почти не знаю.

– Что это за дом такой, где было совершено преступление, убийство, и никто, кроме Никиты ничего не заметил?

– Этот дом принадлежит семье Арнаутовых, состоятельные люди, очень приличные, да и сын их, Андрей, тоже хороший парень. У него собирались студенты, целая компания, все веселились, отдыхали, но никогда ничего такого, в смысле, пошлости, не было… Все ребята были порядочные, нормальные, понимаешь? Но Федор среди них был все равно лучше всех, он очень веселый компанейский парень, душа общества, с таким как он вообще ничего не страшно. Он никогда не предаст, не подставит, он – сама справедливость и порядочность, вот за кого я собиралась выходить замуж…

– Собиралась? – покачала головой Лиза.

– Но что, если это правда? Ведь с Галкой мы встретились совершенно случайно, в смысле, что она не могла подстроить эту встречу, чтобы рассказать мне о Федоре… Понимаешь, о чем я?

– Ну, да. То есть можно было бы предположить, что твоя Галка влюблена в Федора, узнала, что он женится на тебе, прикатила из вашей Калины, чтобы расстроить свадьбу, опорочив в твоих глазах Федора, что история выдумана ею от начала и до конца, так?

– Знаешь, ты озвучила эту версию, и она сразу же стала какой-то пустышкой, глупостью. Нет, и встречу подстроить было невозможно, потому что я так рано и в городе-то не бываю, просто поехала за платьем… Да и в кафе зашла, чтобы выпить соку… К тому же Никита – тоже замечательный парень, и с ним, я думаю, она счастлива. Поэтому получается, что она действительно рассказала мне об убийстве, совершенном якобы Федором, даже и не предполагая, что он – мой жених. И от этой мысли мне становится так плохо, так плохо… Ох, Лиза, ума не приложу, что делать.

– Конечно, можно было бы поговорить с ним, но мне самой эта идея не нравится. И знаешь, почему? Потому что, если он не причем, то, во-первых, ему будет все это неприятно, больно, обидно, а во-вторых, даже спустя годы он не забудет этого вашего разговора. Просто поставь себя на его место, и сразу все станет понятно. Понимаешь, Маша, если бы я не знала Федора, то, конечно, посоветовала бы просто поговорить и все, выслушать его. А дальше – будь что будет. Но вот Федора травмировать, тем более перед свадьбой, не надо бы, а? Ты как считаешь?

– Она говорила так убедительно… И как бы сама удивлялась этому. Тем более что о Федоре она упомянула в определенном контексте, перечисляя общих знакомых, рассказывая, кто и как устроился в жизни. И получается, что у всех все хорошо за исключением Федора, человека, за которого я выхожу замуж! У меня скоро свадьба, и я только что купила свадебное платье!!! Нет, не верю я, что все это придумано. Может, ты будешь удивлена, но пока я ехала к тебе, размышляя обо всем этом и даже принимая тот факт, что Федор все-таки убил человека, моя мысль помчалась еще дальше, и меня интересовало уже другое: мотив этого убийства, понимаешь?! Ведь он мог защищаться или защищать кого-то другого, или, предположим, встретил человека, который чуть не убил его родителей, или что-нибудь в этом духе… Я хочу сказать, что он мог убить настоящего злодея! Как тогда?

– Да все я понимаю, Машенька. Мне много раз приходилось защищать людей, которые совершили убийство. Но убийца убийце рознь, ты права… Послушай, как страшно это звучит… Более того, я склонна утверждать, что не всякого человека, совершившего убийство, можно назвать убийцей. На войне люди тоже убивают друг друга, но они не считаются убийцами, они солдаты, герои, защитники и так далее. Скажи, ты готова остаться с Федором, зная, что он убил человека?

– Я знаю Федю. Если он убил, значит, у него не было другого выхода. Или же он убил по неосторожности, произошел несчастный случай.

– Но труп-то он завернул и вынес из дома. Полицию не вызвал, понимаешь?

– Испугался. Понятное дело… Лиза, что делать?

– Думаю, надо бы поехать в Калину и попытаться найти следы этого преступления. Как ты, говоришь, звали этого убитого парня?

– Коля Решетов.

– Ну, вот и поезжай. Думаю, что неплохо было бы тебе встретиться с Никитой, поговорить с ним. Не советую сразу же признаваться ему в том, что Федор – твой жених, что вы вместе. Придумай причину, по которой ты приехала в Калину. И будь готова к тому, что Никита вообще будет молчать и ничего тебе не расскажет. Может, он и жене-то своей, Гале, рассказал случайно, проговорился по пьяной лавочке. А может, спорили, кого-то вспоминали, знаешь, как это иногда бывает.

– А что мне Феде сказать?

– У тебя в Калине родственники остались?

– Конечно!

– Ну вот и скажи, что поедешь проведать их. Обычное дело. Машенька, успокойся и возьми себя в руки. Уверена, что все это глупости и твой Федор никого не убивал. Ты поедешь только ради того, чтобы окончательно успокоиться. Если же нервы сдадут и ты не выдержишь и тебе захочется откровенного разговора, найди возможность поговорить с Никитой с глазу на глаз. Объясни ему, что замуж за Федора собралась, что слышала, будто бы у него кто-то есть, какая-то девушка в Калине или что он замешан в какой-то истории, словом, что ты хочешь все о нем знать… Это будет нормально, естественно. И если Никита захочет, расскажет тебе о том, что произошло на даче Арнаутовых пять лет тому назад. Если же нет, то, возможно, твоя Галка что-то напутала или же Никита связан обещанием хранить молчание. А может, и у самого рыльце в пуху…

– Спасибо тебе, Лиза. Помогла мне хотя бы в себе разобраться. Ты права, я сегодня же поеду в Калину. Заеду домой, приготовлю Феде поесть, потом позвоню ему. Ладно, тебе все это уже неинтересно. Передавай привет Глаше!

– Удачи тебе, Машенька! Если что – звони в любое время дня и ночи, мы с Глашей тебе поможем. Да и на Мирошкина всегда можешь надеяться, он – свой человек в прокуратуре.

Дома Маша быстро собралась, приготовила Федору на ужин картофельный салат, поставила на видное место в холодильнике (по опыту знала, что мужчина видит в холодильнике лишь то, что лежит на самом виду) контейнер с котлетами, оделась, посидела несколько минут, чтобы отдышаться и спросить себя, правильное ли решение она приняла, после чего позвонила Федору:

– Федя? Привет! Послушай, мне тетя Римма позвонила из Калины, помнишь ее? У нее день рождения. Хочу съездить, поздравить ее, туда и обратно. Завтра уже буду дома. Ты как, не возражаешь?

Конечно, он не возражал. Она слышала лай собаки в телефонной трубке, возможно, это был очередной пациент Федора. Подумалось, что как все-таки несправедливы люди по отношению к Федору. Никто не оценил, что он выучился в Петербурге на ветеринара, параллельно

работая вместе с братом, ремонтируя старые, битые питерские квартиры, чтобы заработать денег. Потом приехал в Саратов, выкупил разбитое и разграбленное помещение детского сада, взяв кредит, заново отстроил его, превратив в настоящую ветеринарную клинику с лабораториями, операционной и всем необходимым. Жил впроголодь, работая круглыми сутками, чтобы вернуть кредит, пока не встал на ноги и не завоевал доверие жителей города к своей новой клинике. Почему, почему Галка ничего не знает об этой стороне его жизни, а выдала только ту, черную, криминальную, пахнущую кровью и преступлением? С ее слов получается, что начиная с того момента, как Федор уехал из Калины в Питер, о нем больше никто ничего не слышал, разве что о том, что он жил там у брата и учился на ветеринара. Значит, все их друзья в Калине думают, что он по-прежнему живет в Петербурге. И уж точно никто не знает, что она, Маша Зимина, собирается за него замуж.

Что ж, может, это и к лучшему, тогда у нее есть шанс узнать кое-что из прошлого Федора. Хотя она всегда считала, что знает о нем все. Он в семье единственный ребенок. Отец – участковый полицейский (а не прокурорский работник, как сказала Галка), мама Феди – медицинская сестра в больнице.

Весной Маша с Федором ездили в Калину – знакомиться с родителями друг друга. Собрались все вместе на даче у Машиных родителей, устроили пикник, где две семьи за шашлыком и водочкой договорились о дате свадьбы.

И как получилось, что ни Зимины, ни Морозовы никому не рассказали о таком важном событии в жизни своих детей – вопрос. Хотя и тайны они из этого делать не стали бы. Значит, круг общения их родителей просто-напросто не пересекался с той средой, в которой жили Галка и Никита Пахомовы, Алиса и Андрей Арнаутовы с компанией. Иначе бы Курочкина точно услышала об этом. Городок маленький, новости быстро разлетаются.

– Маша, слушай, все грозу ждут, в соседней области такой ливень прошел, что улицы в реки превратились, – вдруг вспомнил Федор напоследок. – Может, ну ее, эту твою тетю Римму? Сидела бы дома, а?

– Федя, я же на машине, быстро домчусь, ливень меня и не догонит. А у тети Риммы большой дом с садом, благодать. Она варениками своими меня угостит, увижу своих родственников… Я же знаю, что тебе с ними было бы неинтересно…

– Да я понимаю. Хорошо, поезжай, к тому же у меня сегодня полно работы, три операции запланированы, а Люда не вышла на работу, затемпературила, я бы сегодня и так поздно вернулся… Конечно, поезжай. Только теплые вещи возьми и заправь полный бак бензина, договорились? Мало ли…

– Договорились, Федечка! Целую тебя!

Она выключила телефон. Зачем она едет в Калину? Зачем ей что-то знать о Федоре? Убийство…

И вдруг она разозлилась. Подумала, что, если выяснится, что Курочкина все это выдумала или что-то перепутала, то и она тоже как бы невзначай расскажет ей о Никите Пахомове, ее муже, что он вообще… педофил! А что, чем не выдумка? Вот и пусть мучается, проверяет!!! Или, ладно, просто гей. Но что его партнер живет в Москве и зовут его… Надо только фамилию выдумать, сказать, что он артист, к примеру, вот пусть Курочкина и поедет в Москву, окунется с головой в богему, поищет какого-нибудь Альберта Вампирова…

«Ну и дура ты, Маша», – она тряхнула головой, встала, взяла рюкзачок, набитый бельем и пижамой, и вышла из квартиры.

В машине, чувствуя себя почему-то необыкновенно свободной и несчастной одновременно, она достала сигареты, выкурила одну в открытое окно.

Над городом собрались тучи, слетелись, столкнулись, словно им было тесно на небе, грозясь разразиться громом, молниями и ливнем. Надо было поскорее убираться из города.

Машина выехала со двора и покатила в сторону центрального шоссе, по которому можно было выехать за город. Стало совсем темно, словно неожиданно, опережая время, приблизился поздний вечер. Улицы приобрели фиолетовый оттенок, в окнах домов зажигался свет.

Маша прибавила скорость и вылетела из города, будто ей и в самом деле в затылок дышала непогода с ветром, ливнем, смертоносными разрядами молний и громом.

В городок Калина, сухой, чистенький, позолоченный закатными красками, который и слыхом не слыхивал о саратовской грозе, Маша въехала с чувством, словно ей удалось телепортироваться – настолько сильным контрастом выглядел мирный и спокойный пейзаж родного города.

Машина запетляла по узким знакомым улочкам, пыльная неровная дорога привела в утопающий в садах пригород Абрамово, где проживала родная тетка Маши – Римма – и где, кстати, находилась пресловутая дача Арнаутовых, похоронившая, возможно, в своих стенах тайну смерти подростка – Коли Решетова.

Маша, еще когда только выехала из города, позвонила тетке и предупредила о своем приезде. Попросила ничего не говорить родителям, сказала, что потом все объяснит.

Тетя Римма была родной сестрой матери, жила одна, но все в семье знали, что она встречается уже много лет с женатым мужчиной. Ей было под сорок, она преподавала в филиале университета русскую литературу, писала литературоведческие статьи для журналов, сочиняла пьесы для кукольного театра, а в свободное время расписывала цветочные горшки, которые продавала в городских сувенирных магазинах.

Невысокого роста, с милым улыбающимся личиком и веселыми карими глазами, с заколотыми на макушке светлыми волосами, энергичная, порывистая в движениях, она выглядела молодо, чуть постарше своих студентов, которые ее просто обожали. С ней, Маша знала, можно говорить на любую тему, она всегда все поймет и подскажет, как жить дальше, кроме того, она умела хранить чужие секреты.

– Я люблю тебя, тетя Римма! – Маша, выйдя из машины, оказалась в объятиях тети. – Господи, как же ты хорошо выглядишь! С каждым днем все моложе и моложе!

– Машуня! А ты-то какой красавицей стала! Не видела тебя всего-то пару месяцев, но ты прямо-таки расцвела! К свадьбе и вовсе тебя будет не узнать! Глаза блестят, щечки румяные!!! Пойдем скорее в дом! Смотри, как стало темно… Говорят, гроза будет невероятная! Вот, видишь, какие крупные капли падают… Загоняй машину в гараж, я его открыла специально для тебя, а свою устроила под навесом, где дрова… Мы там недавно крышу починили, ни одна капля не просочится!

У Риммы был крепкий, выкрашенный в желтый цвет, кирпичный дом с мансардой, просторной верандой и большим садом. Когда-то ей нравилось, что все проходившие мимо люди могут любоваться через металлическую сетку, заменявшую забор, ее розами и гигантскими маками, редкими в этих краях коричными яблоками и ореховым деревом, но после того как она однажды переболела тяжелейшим воспалением легких и чуть не умерла, кто-то в больнице внушил ей мысль, что ее попросту сглазили, и тогда тетя Римма отгородилась от соседей высоким красивым, выложенным из белого известняка, забором.

Едва успели поставить машину в гараж и забежать в дом, как на город хлынул ливень, загрохотали крыши домов…

– А мы с тобой сухие!!! Успели! Вот, проходи в свою комнату, там я тебе все приготовила. Потом – мыть руки и за стол! У меня сегодня жареный кролик и оладьи со сметаной. Ты ведь любишь мои оладьи?! А еще, еще… Господи, как же я рада, что ты здесь! – Она повернулась, схватила Машу за плечи и расцеловала в щеки. – Так вот, еще у меня есть малиновая настойка. Очень вкусная, хоть и приторная.

После ужина расположились в гостиной на диванах. Огромная плазма переливалась яркими красками: шла беззвучно сказка «Красавица и чудовище». Маша рассказала тете, зачем приехала в Калину.

– Ничего себе история! – присвистнула Римма. – Кто же это такой – Коля Решетов? Он местный?

– Не знаю. Может, у тебя есть знакомые в полиции? Ты могла бы узнать?

– Конечно! У меня везде куча знакомых. Другое дело, с какой стороны к этому подойти, чтобы не навредить твоему Федору.

– Надо проверить милицейскую сводку пятилетней давности, вот и все. Нужно узнать, что стало с Николаем Решетовым. Галка сказала, что он вроде бы подросток… Знаешь, она так неуверенно об этом говорила, словно и сама толком ничего не знала или не помнила. Так ведет себя человек, который услышал какую-то информацию краем уха… Сначала она сказала, что Федор забил этого парня насмерть, а потом вдруг решила, что его зарезали, потому что было много крови.

– Хорошо. Предположим худшее. Но где тогда труп?

– Говорю же, надо каким-то образом получить доступ к базе данных полиции за тот период. Может, труп найден… Но тогда он должен быть захоронен приблизительно в то же самое время – летом 2009 года, причем где-то здесь в Абрамово.

– Хорошо, я постараюсь найти информацию об этом Николае Решетове. У меня в районном отделе образования работает подруга, Ксения. Если этот Решетов подросток или молодой человек и если из местных, то он должен быть в списках учащихся наших школ или других учебных заведений, понимаешь? Коля Решетов… Где-то это имя я уже слышала…

– А если выяснится, что был такой Коля Решетов, и его труп нашли здесь, в Абрамово, и что вся эта история с Федором – правда, тогда что мне делать? Как быть? Как дальше жить? И зачем я только зашла в это кафе выпить соку! Жила бы себе спокойно, вышла замуж…

– Значит, так надо было, Маша, – сказала Римма. – Кто знает, может, это даже хорошо, что ты встретила Галку и она тебе все рассказала. Понимаешь, в городе вашем так много народу, Галя твоя вообще не там живет, да и ты, насколько я поняла, в такое время по магазинам не ходишь, однако вам судьба была встретиться. И то, что ты приехала сейчас, ко мне, тоже логично, правильно. Родителям мы твоим пока сообщать о твоем приезде не будем, они тебя сразу же в оборот возьмут, к себе, а у нас с тобой все-таки дела, так?

– Так… – Голос Маши задрожал, она всхлипнула. – А что Никита? Может, мне с ним встретиться?

– Вот на этот вопрос я тебе пока не готова ответить. Давай сначала подождем результатов моей военной разведки, вернее, полицейской. И если действительно произошло убийство и Никита был свидетелем того, как твой Федор выносил труп… Он же не видел само убийство?! Так вот, если он видел, как Федор заворачивал труп и выносил из дома Арнаутовых, то и он тоже совершил преступление, раз не сообщил о нем в полицию. Поэтому не будем торопиться. А еще я подумала… Что, если и Никита каким-то боком связан с убийством? Все. Не плачь. Я знаю Федора и не верю в то, что он кого-то убил. Но проверить, безусловно, надо. Предлагаю тебе успокоиться, посмотрим сейчас фильм, выпьем чайку, а потом ляжем спать. Утро, как говорится, вечера мудренее.

6. Ольга, 2014 г

Левкин улетел в Америку. На симпозиум. Ольга долго стояла в зале аэропорта Шереметьево, смотрела сквозь прозрачные окна на небо, куда поднимались один за другим самолеты, в одном из которых – Левкин, ее муж и самый близкий ей человек, и спрашивала себя, должна ли она сейчас рисковать своим настоящим ради прошлого? Прежде ее мучил другой вопрос: как обуять свое растущее с каждым годом чувство мести? Вероятно, примерно так же чувствует себя человек с опасной опухолью в теле. Опухоль растет, и человек понимает, что от нее необходимо избавляться, оперировать, просто надо решиться, найти в себе силы и смелость. Но со временем это сравнение начинало казаться полной глупостью. Опухоль вряд ли рассосется, и она опасна для жизни. С неудовлетворенным же чувством мести можно жить годами, постепенно вытравливая ее из себя, придумывая все новые и новые оправдания своему бездействию и слабоволию.

Что такое месть? Это ли не чувство равновесия, к которому стремится вся природа? Человек, совершивший тяжкое преступление, должен быть наказан. Он причинил боль, теперь боль должны причинить ему. Примитивно, конечно, но это так, и чувство мести, тяжелое, зудящее, не дающее покоя, должно быть удовлетворено.

Люди сами выдумали понятия «плохое» и «хорошее», а на самом деле есть лишь одно движение вперед, и смысл этого вселенского движения как раз и заключается в соблюдении некоего важного баланса, равновесия.

Но Лика не вернется, никогда. Закон равновесия… Чем, кем заполнить пустоту, образовавшуюся после ее ухода, как уравновесить душевное пространство и вернуть жизни прежние краски и гармонию? Как уменьшить боль потери? Ольга часто думала об этом, и ответ пришел, откуда она и не ждала: из женской консультации, где ей сообщили, что она скоро станет матерью маленькой девочки. А что, если в этом ребенке будет душа Лики?

Ольга вернулась на стоянку, села в машину. Вспомнила реакцию Левкина на новость, что он скоро станет отцом. Он был оглушен, потрясен, счастлив до бессонницы, до головной боли! Девочка будет его продолжением, его наследницей! Он сделает из нее великого ученого, поделится с ней всеми своими знаниями, они будут гулять с ней по парку и кормить уточек, станут спорить с ней об очень важных вещах, о мироздании, о движениях планет, да он готов пока, на первых порах менять ей памперсы и кормить кашей, готов быть лошадкой, которая станет катать ее по квартире, никогда не будет ругать ее за выпачканные в грязи туфельки, за разбросанные по детской игрушки…

Его представления, связанные с рождением и воспитанием маленькой дочки, были поначалу хаотичны и даже абсурдны. Но одно Оля поняла: Левкин уже полюбил дочь, еще до ее рождения, и готов был петь ей песни, касаясь теплыми губами округлого тугого живота, читать стихи и целовать ее сквозь материнскую плоть.

– Береги себя, Оленька. – Они прощались нежно, долго, Левкина было не оторвать от Олиного живота, словно он расставался с ним навсегда. – Постарайся сидеть дома или поезжай на дачу, но только непременно возьми с собой Настю. Обещай мне это, чтобы я там не волновался.

Там, это значит, в Америке.

– Конечно, я поеду на дачу с Настей. Ты не переживай, Миша, со мной все будет в порядке.

– И скайп, скайп не выключай!

– Но у нас на даче нет Интернета, ты же знаешь… Еще не провели.

– Тогда будем звонить друг другу.

Они договаривались о мелочах, о том, как Оля будет питаться, сколько часов спать и гулять, какие фильмы смотреть, какие упражнения делать и даже с кем из знакомых не встречаться, чтобы не портить себе настроение…

Оля, слушая его пожелания, наставления, рекомендации, продиктованные исключительно его желанием сделать течение ее беременности беспроблемным и даже приятным, мысленно, перебивая Левкина, тихо объясняла ему, зачем ей необходимо поехать в ее родной город, Калину:

– Миша, родной, я должна проехать туда, найти его и убить. Вот и все! Зачем волноваться? Зло должно быть наказано.

Когда по времени вышло, что Левкин все-таки уже в воздухе, Ольга почувствовала странное чувство свободы и одновременно стыда за свой дерзкий, тайный план. Если бы Левкин умел читать мысли, он бы выпрыгнул из самолета, чтобы схватить за руку свою беременную жену с криком: остановись!!!

Имела ли она право так рисковать ребенком, отправляясь в опасное путешествие, целью которого должно стать еще одно (а может, и не одно) преступление?

С другой стороны, обстоятельства складывались таким удобным, удачным для нее образом (долгожданная и длительная поездка Левкина, когда он на время выпадал из ее жизни и когда сама Ольга, обуреваемая желанием действовать, была изъята из поля его зрения), что медлить было просто нельзя.

Маленький шрам на ее горле (столько раз целованный нежным Левкиным) часто болел и даже, как казалось Ольге, иногда кровоточил. И пусть это было плодом ее фантазии, все эти ощущения она воспринимала как знак того, что ей пора действовать.

Голос, который она бы узнала из миллиона, шептал ей зловеще, как это бывает в дешевых кино (а на самом деле именно это змеиное шипение дьявола и являлось настоящей реальностью!): «Убирайся из города, чтобы духу твоего здесь не было. И вот тебе деньги на дорогу». Маленький тугой рулончик долларов закатился ей в карман. «Как ты понимаешь, следующего раза не будет…» – И острие ножа, которого она не видела, но чувствовала на своей шее, решительно уперлось в тонкую кожу. Еще немного, и горло будет перерезано.

Да все она прекрасно понимала. Что кругом виновата, что Лику не вернуть, а ее убийцы будут продолжать пить виски, жрать икру и покупать невинных девочек.

Она собралась за один вечер, уложила в чемодан все необходимое, заперла квартиру, позвонила Виктору, чтобы сказать, что все кончено, и она уезжает, чтобы он не вздумал ее искать, выбросила сим-карту и купила новую, села на поезд Саратов-Москва и отрезала от себя свое прошлое. С болью, кровью, но отрезала. Такой была цена за ее жизнь и молчание.

…Она хорошо подготовилась к путешествию в прошлое. За день до того приехала в Шереметьево, оставила в камере хранения свой багаж, который забрала сразу, как только поняла что Левкин в небе, уложила в багажник своего «Мерседеса», села и поехала.

Настя, свой человек, предупрежденная обо всем, была готова в любой момент подтвердить внезапно позвонившему ей Левкину, что с Олей все в порядке, что она на даче, где слабый сигнал телефона, что она ест творог (овсяную кашу, землянику), что она весела и здорова!

Дорога предстояла долгая, утомительная. И было много времени вспомнить, с чего все начиналось…

Лике было пятнадцать, когда Ольга привела в дом Виктора. Сказала: «Он здесь будет жить».

Лика пожала плечиками и ушла в свою комнату. Она училась в школе, много читала, рисовала, слушала музыку («с наушниками не расставайтесь!»), любила кататься на роликах в городском парке и на набережной, «тусила» с одноклассниками в клубе неподалеку от дома, презирала пирсинг и тату, косы и конский хвост, предпочитая носить распущенные, длинные волосы. Очень любила светлую пудру и розовую помаду. Была нежной, очень нежной и женственной.

В жару ходила в коротких шортах и майках, в холод – в черных водолазках (которых у нее была целая коллекция) и джинсах. Худенькая, высокая, стройная, русоволосая, она была красива, дружелюбна, непосредственна, на людях не особенно-то раскрывалась, сдерживала смех, но дома, у себя или в своей компании хохотала так заразительно, как никто другой. С чувством юмора у нее всегда все было в порядке.

– Типа жених? – спросила она, окидывая оценивающим взглядом долговязого, с мрачным лицом Виктора.

Вечером, когда они останутся на кухне вдвоем, Лика спросит Ольгу:

– Ты где нашла это чмо? Он же лох! Волосы грязные, курит, как паровоз, голос хриплый… Два слова связать не может. А джинсы? Свитер? Да это же полный отстой!!! Упакуй его и отправь обратно, где взяла, – посоветовала она, глядя на сестру ясными глазами.

Но Ольга была влюблена, она знала, что Виктор ушел из семьи, что пережил тяжелый развод, что в депрессии, что не может не курить, что не может найти работу (она так до конца и не поняла, какая у него профессия и чем он вообще занимался по жизни), что ему надо помочь, поддержать, накормить, обогреть.

Они познакомились в парке. Ольга устроилась концертмейстером в хореографическое училище, и у нее не складывались отношения с хореографом, которая позволяла себе грубые замечания в ее адрес (не надо, дорогуша, подстраиваться под детей!)… Она очень переживала, подумывала о том, чтобы уволиться и найти себе работу в музыкальной школе. Но друзья звали ее в ресторан, где освободилось место пианиста. Позже, в Москве, никто и не спросит ее, кем она была в своей прошлой жизни, словно она родилась домработницей…

И только Левкин, узнав, что она профессиональный музыкант, пианистка, тотчас купит ей кабинетный рояль.

…В парке она курила, сидя на скамейке под фонарем. Прохожих становилось все меньше и меньше, было холодно, накрапывал мелкий октябрьский дождик. Может, и правда пойти работать в ресторан? Она умеет импровизировать, легко может подыграть любую мелодию, знает великое множество мелодий и песен, романсов и шлягеров. В ресторане тепло и красиво, можно носить вечерние платья, туфли на высоких каблуках, любоваться игрой пузырьков в бокале с шампанским, зарабатывать хорошие деньги, к тому же – там кормят! Можно было бы даже приносить еду домой, Лике. Все экономия.

Подошел мужчина, попросил огоньку. Она не испугалась, хотя в другое время постаралась бы поскорее выбраться из парка, смешаться с прохожими…

Из дома ушел, совсем запутался, сын маленький, не понимаем друг друга…

Дождь усиливался, Виктор, так звали мужчину, пригласил в кафе, где угостил коньяком и чаем с лимоном. Она разглядела его при свете лампы, стоящей на столике. Удивительно красивое и какое-то необычное лицо, которое хочется потрогать, прикоснуться губами. Особое восхищение вызвали руки с длинными пальцами, не испорченные физической работой, с гладкими, ровными, аккуратно подстриженными ногтями.

От коньяка тепло разлилось по телу, стало хорошо, сонно, уютно, все люди вокруг показались милыми и добрыми. Но в какой-то момент она вдруг поняла, что не может дольше оставаться в этом пусть и теплом, но все равно общественном месте, ей захотелось домой, и она сказала об этом Виктору. Тот вызвался проводить ее туда на такси. Возле порога квартиры они обменялись номерами телефонов и расстались. На следующий день он позвонил, пригласил снова в это же кафе, потом они пошли в гостиницу и провели там два дня, заказывая в номер еду, напитки и сигареты.

Выяснилось, что с тех пор, как он ушел из дома, он скитался по друзьям, дешевым гостиницам, что не знает, как ему поступить, куда пойти-поехать, чтобы начать новую жизнь.

– Ты можешь пойти ко мне, – сказала она, поглаживая его живот и чувствуя, как ее влечет к этому мужчине с сильным длинным телом, гладкой кожей и талантом любить. Мысль о том, что она сможет беспрепятственно пользоваться этим телом, обнимать его и чувствовать на себе его объятия, видеть его, наслаждаться им, владеть, приводила ее в трепет. Проронив слова приглашения, она замерла, словно в ожидании приговора. Вот сейчас она узнает, имеет ли ее тело такую же власть над ним, пожелает ли он владеть им, успел ли он хотя бы немного привязаться к нему и полюбить его запах и тепло. Относительно души и сердца, которыми мог бы, к примеру, очароваться мужчина, Ольга не питала никаких иллюзий, поскольку была уже взрослой девочкой и понимала, что эту роскошь в состоянии оценить мужчины особого, уже редкого вида, которых она и считала настоящими. Себя с Виктором она считала парой зверей, примагниченных друг другу инстинктами и желанием согреться.

– К тебе? Ты разве одна живешь? – Он прощупывал почву, пытался заглянуть в ее жизнь, чтобы представить себя в ней, найдется ли там для него местечко.

– Я живу с пятнадцатилетней сестрой. Ее зовут Лика. С ней у тебя никогда не будет никаких конфликтов. Она хорошая, добрая, редко выходит из своей комнаты. Но и к ней соваться не следует, она этого не любит, тщательно оберегает личное пространство. Кивнешь утром, мол, привет, этого будет достаточно, чтобы она сочла тебя вежливым. Тебе не обязательно ей нравиться. Она любит меня и примет тебя, потому что уважает мой выбор.

Вот тогда-то она и погорячилась. Лике он не понравился сразу и бесповоротно. «Упакуй его и отправь обратно, где взяла».

Ольга сразу же представила, как она заворачивает Виктора с его длинными ногами с огромный кусок золотистой подарочной бумаги, обвязывает красной лентой и с трудом относит в парк, укладывает на скамейку. Может, кто другой подберет?

Если бы она тогда послушала Лику, вдруг бы все пошло по-другому. Хотя нет, все эти события, связанные с Виктором, лишь ускорили развязку. Лика тогда уже вела тайную жизнь, о которой Ольга ничего не знала. Уже тогда из кармашка ее розового, украшенного маленькими плюшевыми мишками и зайками, рюкзачка, вывалилось несколько упаковок презервативов. «Нам в школе лекцию читали, потом вот это раздали», – отмахнулась Лика от сестры в ответ на ее немой вопрос. Она сидела на постели с ноутбуком на коленях и грызла яблоко.

Ольга шумела пылесосом, вычищая ковер в комнате Лики. И рассыпанные цветные упаковки презервативов на ковре, в контексте совершенно детской (даже не подростковой) комнаты (обои в облаках и птичках, расставленные по полкам куклы, подвешенные к потолку цветочки и пчелки, разбросанные по полу конфетные обертки, апельсиновая кожура, взбитая, как сливки белая, в клубничках, постель) не могли оставить без внимания взрослую сестру.

– Смотри, Лика, будь осторожна.

В этих словах заключалось следующее: родители погибли, теперь я отвечаю за тебя, будь осторожна с мальчиками, не торопись начинать взрослую жизнь, эти презервативы меня пугают, зачем их столько?

Лика, мотая головой с надетыми на нее наушниками, послала Ольге воздушный поцелуй. Значит, услышала ее сквозь рев пылесоса и звучащую в ее ушах музыку. Или просто улыбнулась ей, не вникая в ее слова, но догадываясь, о чем идет речь.

– Он нравится мне, Лика. Мне с ним хорошо.

– Хорошо, значит, живи. Мне-то, как ты понимаешь, все фиолетово. Только не позволяй ему сидеть на своей шее. Не корми его и не давай денег. Нехорошо это.

– Лика, я поговорить хотела. – Ольга, не желая слышать так точно подмеченные и озвученные сестрой свои собственные подозрения, быстро перевела разговор на другую тему. – Не нравится мне моя работа, в ресторан хочу пойти.

– Иди, конечно! – сразу же отреагировала Лика. – Там клево, бабки хорошие платят, мужики, правда, будут на тебя пялиться, предложения разные делать. Сама смотри.

И Ольга уволилась из хореографического училища, друзья помогли устроиться в ресторан «Русская тройка», где по пятницам «живую» музыку для очень специфичной постоянной публики играл скрипач Ваня Шульгин и виолончелистка Катя Шухман, остальные же дни играл пианист Лева Азаров, который как-то неожиданно женился и уехал в Москву и теперь играет в собственном ресторане тестя.

Она и не ожидала, что работа в таком маленьком ресторане (где собирались, в основном, немолодые уже бизнесмены, бывшее партийные или комсомольские работники, большие любители поностальгировать, слушая популярные в советское время романсы и эстрадные песни) будет приносить такой хороший доход. Кроме денег ей время от времени перепадала и еда, заботливо и с любовью уложенная в контейнеры Максимом Григорьевичем, шеф-поваром ресторана, влюбленным в нее высокой отеческой любовью за ее музыкальный талант. Пакет с едой или продуктами она находила практически каждый вечер в гардеробной, в тумбочке с ее нотами и туфлями.

Возвращалась Ольга далеко за полночь, уставшая, но с туго набитым кошельком и тяжелой сумкой. Ее всегда встречала заспанная Лика.

– Как же я по тебе соскучилась! – Лика обнимала ее, терлась, как котенок щекой о ее плечо. – Старичков развлекаешь? Ну-ну. Давай-ка, я тебе помогу.

– А где Виктор?

– Дрыхнет! Пожрал, футбол посмотрел, помылся и завалился. Ни посуду за собой не помыл, ни пол в ванной не подтер, даже полотенце мокрое не мог сунуть в стиральную машину, вконец обленился твой любовничек.

– Он работу никак не найдет, переживает сильно.

– Ой, да ладно! Он – переживает? Думаю, он вообще не знает, что это такое. Ладно, я не хочу о нем. Что ты там принесла?

– Отбивные, сырые, их надо пожарить. Еще пирожные, сыр… Ух ты, смотри, Лика, Макс положил нам оливковое масло!

– Вот кого надо было поселить в своей спальне, – вздохнула Лика. – У него семья есть?

– Кажется, есть. Не может у такого мужика не быть семьи. Он хороший, добрый, талантливый, к тому же – романтик. Ведь всем этим добром он расплачивается со мной за то, что я в свободное от заказов время играю его любимые песни. А он готовит свои шедевры на кухне и слушает меня одним ухом…

– Да, классную ты себе работу нашла, Оля. Держись за это место. Когда бы мы еще так пожировали? Мне противно только, что ты этого бездельника пригрела на своей груди. Пусть проваливает! Ты что, не можешь найти себе кого побогаче, посерьезнее, поумнее?

Стыдно было признаться Лике, что после нескольких ночей, проведенных в объятиях Виктора и насытившись новизной и подзабытыми ощущениями (которые уж никак нельзя было назвать любовными переживаниями), она остыла к нему, и единственное чувство, которое удерживало ее от того, чтобы расстаться с ним, была ответственность. Как щенка подобрала, обогрела, накормила, и теперь его куда? Снова на улицу, в дождь? На верную смерть?

– Ладно, я разберусь, что с ним делать… – ответила она Лике. – Ты-то как? Учишься? Все нормально?

– У меня проблемы по физике и химии, но меня Таня Евсеева, ты знаешь ее, наша отличница, подтягивает. Я ей прически делаю, краситься учу, а она растолковывает мне все формулы, заставляет зубрить… Думаю, что я смогу. Не дура же. Просто не могу принять все то, что в учебниках написано, не верю в эти валентности и прочее… Бред какой-то!

– Вот тебе деньги, купи себе что-нибудь из одежды, платье там, джинсы, кофточку… А ближе к зиме купим тебе шубу. Обязательно. На продуктах будем экономить, я же все приношу, кроме хлеба и сахара, вот скоплю, и купим.

– Если ты будешь этого неудачника кормить, то ничего не скопишь, а если и скопишь, то ему же и отдашь. Я тебя знаю. Он разводит тебя, придумывает разные проблемы, а ты ему веришь…

Ольга, услышав это, вспыхнула:

– Лика, ты что, подслушиваешь наши разговоры?

– Нет, конечно. Случайно услышала, как он говорил о своих детях, что одному из них понадобились лекарства, что жене нечем заплатить за квартиру и все такое… Тебе-то до них какое дело? Это чужая семья, чужие проблемы, чужая жизнь, наконец!

– Сказала же – разберусь! Думаешь, мне приятно все это выслушивать?

Виктор же, когда она после душа забиралась к нему под одеяло, даже не просыпался, еще глубже зарывался в постель, как-то по щенячьи поскуливая, и затихал, мол, не тревожьте меня.

В такие минуты Ольга, с одной стороны, обижалась, что Виктор даже не чувствует ее рядом, что у него нет желания ее обнять, приласкать, расспросить, как прошел вечер, с другой – она так уставала, что единственно, чего по-настоящему хотелось, так это поспать. Вот, успокаивая себя таким образом, она и засыпала. Один от него был толк – он, как живое существо, как кот, к примеру, грел постель.

…Погруженная в воспоминания, Ольга чуть не проехала Умет, мордовское село, превращенное предприимчивыми жителями в одну, тянущуюся вдоль трассы, столовую, «столицу дорожной кухни». Великое множество кафешек с грубоватыми названиями, вырванными из лексикона дальнобойщиков или просто из самой российской трудной жизни («Кормилица», «Поляна», «Тип-топ», «Фантазия», «Уют», «Светлана», «М5», «Ням-ням», «Вдали от жен», «У сестер», «Ё-моё»), было готово накормить каждого проезжающего путешественника, водителя свежей недорогой пищей и отменными шашлыками. Один аромат жарящегося на углях мяса будоражил, вызывал аппетит.

Ольга остановила машину рядом с одним из кафе, устроилась на открытой веранде за столиком с аккуратной чистой красной скатеркой, к ней сразу же подошла миловидная женщина в белом передничке, на бейджике имя «Танечка». Румяная, полненькая, ярко накрашенная. Ольга подумала, что она, вероятно, кормит уставших дальнобойщиков не только винегретом, гуляшом и котлетами, но и любовью. Почему бы и нет?

– У вас окрошка свежая? – Вот понимала, что покупать окрошку в общепите опасно, но устоять не могла. Дома такая все равно не получается. Сладковатая, густая, необыкновенная, острая!

– У нас отличная окрошка! И сметанка к ней домашняя, деревенская. Живот не заболит, не бойтесь.

– Вас тут проверяют, хотите сказать? – усмехнулась Ольга, недоверчиво поглядывая на дверь, ведущую в кухню. – Люди поели, уехали, когда еще вернутся…

– Если отравим кого – к нам больше не придут, мы останемся без работы. Да и посетители наши – народ простой, если что – пристрелят, на фиг… Долго разбираться не станут.

Прозвучало довольно убедительно.

– Тогда еще шашлык, компот и плюшки. – Ольга проводила взглядом женщину в белой поварской куртке и марлевом колпаке на голове, скрывшуюся за дверями кухни с большим подносом горячих, распространяющих ванильный аромат, плюшек с сахарной посыпкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.